

Преобладаніе научнаго сомнѣнія въ современномъ невѣріи.

(Продолженіе).

V.

Мы видѣли, какъ настойчиво и догматично, въ продолженіи многихъ лѣтъ ведется пропаганда невѣрія подъ прикрытіемъ, будто бы, авторитета науки, въ силу, будто бы, ея указаній и требованій. Пора призвать эту безграничную самоувѣренность къ отчету, не въ ея самохвальствѣ (какое дѣло вѣчному величію религіи до мелочей мимолетнаго тщеславія!), а къ отчету въ основахъ и доказательствахъ всѣхъ этихъ, слишкомъ властно выставляемыхъ, но слишкомъ недостаточно подкрѣпляемыхъ фактами утвержденій и завѣреній: пора указать на преувеличенія, столь отвѣтственныя и на неточности, столь многочисленныя и грубыя, что онѣ не могутъ оправдываться незнаціемъ и недосмотромъ и граничатъ уже съ подлогомъ и со введеніемъ въ умышленное заблужденіе.

Такое, прежде всего, упорно и непрерывно распространяемое пропагандистами такъ называемаго „научнаго невѣрія“ утвержденіе, что, въ силу несогласности знанія съ вѣровъ, большая часть выдающихся представителей науки, или чуть-ли не все они—люди невѣрующіе и отрицательно, либо враждебно относящіеся къ христіанству. Изъ приведенныхъ вышесюль мы видѣли, какъ настойчиво и категорично болѣе полувѣка повторяется это утвержденіе и съ какимъ довѣріемъ оно принимается въ широкихъ и разнообразныхъ слояхъ общества. Между тѣмъ утвержденіе это не только

преувеличено, оно, по отношенію именно къ „выдающимся“ ученымъ, прямо ложно. Мы не будемъ говорить уже о вождахъ науки далекаго прошлаго, объ „отцахъ“ новаго точнаго знанія. Глубокая, искренняя религіозность Коперника, Кеплера, Тихо де Браге, Галилея ¹⁾, Риччиолли, Местлина, Барроу, Гевелия, Мариотта, Торричелли, Паскаля, Ферма, Роберта Бойля, Лейбница, Кларка, Гюйгенса, Ньютона, Кассини, Везалия, Амбруаза Парэ, Гарвея, Сваммердамма достаточно извѣстна ²⁾: по значеніе ея любятъ принимать, объясняя ее воздѣйствіемъ окружающей среды, слишкомъ еще проникнутой церковными и богословскими вліяніями. Однако и среди уже иначе настроеннаго, вольнодумнаго XVIII вѣка снискозь ученыхъ-вѣрующихъ числить въ себя такія первоклассныя имена, какъ Д. Бернулли, Эйлера, Брэдлея, Цельзій, Уатта, Гальвани, Вольты, Итала, Гофмана, Боэргавя. Кэвиндизна, Пристлея, Альбрехта фонъ Галлера, Линнея, Лавуазье, Вина, обонхъ Жюссё, Боннэ, Вернера ³⁾... Но обратимся къ XIX вѣку, не только къ его первой половинѣ, но и къ постъ-дарвиновскому періоду, ознаменовавшемуся будто-бы такимъ переворотомъ въ обсуждаемомъ отношеніи. И здѣсь, въ полное опроверженіе приведенныхъ выше развязныхъ увѣреній о будто бы поголовномъ невѣрїи выдающихся ученыхъ, мы встречаемся съ фактомъ какъ разъ противоположнымъ: именно *главныя* вожди повѣрнаго естествознанія, именно славнѣйшіе, величайшіе естествоиспытатели и математики, творцы современнаго точнаго знанія, въ преобладающемъ большинствѣ, оказываются по меньшей мѣрѣ теистами, а очень многіе—искренними христіанами и часто—носѣдателями того или иного церковнаго вѣроисповѣданія. Доказательства тому собраны въ изобилїи по первоисточникамъ въ работахъ Кнеллера „Христіанство и представители повѣрнаго естествознанія“ ⁴⁾, Денперта „Религіи естество-

1) Фактъ искренней религіозности Галилея и его привязанности къ католичеству, несмотря на споры съ римскою курїей, можетъ считаться точно установленнымъ.

2) Кромъ специальныхъ трудовъ о нихъ и біографій, см. Zöckler. Geschichte der Beziehungen zwischen Theologie und Naturwissenschaft. Gütersloh. 1877—79. I Band, 4 Buch. II Band, 5 Buch.

3) Тамъ-же. II B. pass.

4) Kneller. Das Christenthum und die Vertreter der neueren Naturwis-

испытателей" 1) и Табрума „Религіозныя вѣрованія современныхъ ученыхъ“ 2). Для тѣхъ, кто сколько нибудь знакомъ съ исторіей физико - математическихъ наукъ, не можетъ показаться скучнымъ или блѣднымъ даже простой перечень главныхъ именъ, сюда относящихся: тѣхъ, кого мы чтимъ, какъ величайшихъ дѣятелей въ области умственныхъ завоеваній нашего вѣка, мы обязаны познать и оцѣнить правильно и со стороны ихъ религіозныхъ убѣжденій, столь тенденціозно замалчиваемыхъ или прямо искажаемыхъ людьми чуждыми религіи или враждебными ей. Математики и астрономы: Гауссъ, Риманъ, Эрмитъ, Брюкстеръ, Гершель, Бессель, Медлеръ, Леверье, Секки, Ламбъ, Джиль. Уиттэкеръ, Фай, Маундеръ, Эббей, Роб. Болъ, Ньюкомбъ; физики: Амперъ, Румфордъ, Коннъ, Эрстедъ, Джоуль, Фарадей. Омъ, Фраунгоферъ, Френзель, Робертъ Майеръ, Гирнъ, Гельмгольцъ, Джорджъ Стоксъ, Максвеллъ, лордъ Кельвинъ-Томсонъ, Беккерель, лордъ Райлей, Круксъ, Рамзай, Дж. Г. Гладстонъ, Бальфуръ - Стюартъ, Тэтъ, Лоджъ, Тесля; химики: Дальтонъ, Гай-Люссакъ, Гемфри Дэви, Авогадро, Берцелиусъ, Шеврель, Либихъ, Шенбейнъ, Девилье. Дюма; биологи-зоологи: Кювье, Жоффруа сентъ-Илеръ, Латрель, Бланшаръ, Агассизъ, Эренбертъ, фаль-Бенедекъ, Карпэнгеръ, Мендель, Лёббокъ, Рей Ланкастеръ, Макэлнетеръ, Ромэнсъ, Уоллэсъ; ботаники: Декандоль, Шранкъ, Марциусъ, Броньяръ, Шлейденъ, Линдлей, Алекс. Браунъ, Шимперъ, Лейнхъ. Гауштейнъ, Тистльтопъ-Дайеръ, Рейнке; анатомы: Гиртъ, Робертъ Оуэнъ, Флауэръ; физиологи и медики: Юганъ Мюллеръ, Кальмейеръ, Клодъ-Бернаръ. Вишофъ, Карлъ фонъ Бэръ (позднѣе жизни) Шванъ, Вагнеръ, Пундъ, Чарльзъ Балъ, Пастёръ, Листеръ, Пэджетъ, Оклендъ; минералогии и геологи: Фуксъ, Малларъ, Бёкландъ, Гитчкоксъ, Эли де Бомонъ, Баррандъ, Добръ, Лашаранъ, Гомалиусъ, Мурчисонъ.

senschaft. 2 Aufl. Freiburg i. B. 1904. Въ текущемъ году вышелъ англійскій переводъ: русское изданіе этой серьезной работы было бы очень желательно.

1) Dennert. Die Religion der Naturforscher. 7 Auflage. Berlin, 1908.

2) Tabrum. The Religious Beliefs of our Scientists. London, 1910. Русскій переводъ подъ редакціей В. А. Кожевникова и Н. М. Соловьева („Религіозныя вѣрованія современныхъ ученыхъ. Москва, 1911“).

Шубертъ, Вагнеръ, Бишофъ, Дюсонъ, Дана, Прествичъ, Гейки; географъ Риттеръ, антропологъ Притчардъ.—вотъ тѣ незамѣнимые и незабвенные творцы современной науки, которые своими признаніями, ученіями или жизненнымъ поведеніемъ опровергаютъ предразсудокъ о несоединимости точнаго естествознанія съ вѣрою. Особѣнно поучителенъ въ этомъ отношеніи, произведенный за послѣдніе года Табрумъ непосредственно среди англійскихъ и американскихъ ученыхъ опросъ относительно двухъ положеній: 1) усматриваютъ-ли они противорѣчіе между фактами, установленными наукою и основными ученіями христіанства? и 2) считаютъ-ли они современныхъ ученыхъ за людей невѣрующихъ и относящихся отрицательно къ христіанству? На оба эти вопроса подавляющее большинство отвѣтило рѣшительнымъ „нѣтъ!“

Послѣ приведенныхъ нами ранѣе столькихъ завѣреній со стороны вольнодумцевъ о повсемѣстномъ вымираніи религіознаго начала въ ученой средѣ поучительно будетъ выступать хотя бы нѣсколько свидѣтельствъ по этому поводу, на пространствѣ цѣлаго вѣка, и притомъ вѣка величайшихъ триумфовъ естествознанія, свидѣтельствъ, звучащихъ столь единодушно, изъ устъ славнѣйшихъ вождей науки. „Истинный химикъ“, писалъ еще Гемфри Дэви, „видитъ Бога въ различныхъ формахъ вѣшняго міра: когда онъ изучаетъ пропавшенія безконечной силы, направляемой безконечною мудростью, у него исчезаютъ все шизменные предразсудки, всякое жалкое суевѣріе... и ученіе матеріалистовъ, ведущее къ атеизму, кажется холоднымъ, тяжкимъ, глухимъ къ истинѣ, невыносимымъ ученіемъ, оскорбительнымъ для здраваго философскаго смысла“ ¹⁾. Въ 1851 г. великій Робертъ Майеръ писалъ: „мое прежнее предположеніе, что истины естествознанія относятся къ христіанской религіи, приблизительно, какъ ручьи и рѣки къ океану, стало для меня теперь глубокимъ жизненнымъ сознаніемъ“ ²⁾, и это сознаніе онъ, не обинуясь, изповѣдуетъ въ 1869 году на Инсбрукскомъ съѣздѣ натуралистовъ въ заключительныхъ словахъ своей рѣчи: „истинная философія природы не смѣетъ и не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ къ хри-

1) H. Davy. Collected Works. London, 1840, XI, 361; 345.

2) Rob. Mayer's Kleinere Schriften und Briefe. Stuttgart, 1893. 339—340.

стіанской религіи“¹⁾. „Наука (по словамъ гениальнаго Фарадея), научающая насъ познанію вещей, должна направлять насъ къ размышленію о томъ, чье твореніе эти вещи: ибо авторитетъ несравненно высшій, нежели тотъ, что вѣщаетъ изъ сферы этихъ вещей, удостовѣряетъ насъ, что невидимое нами непосредственно въ Творцѣ, то есть, вѣщая Его сила и Божество, выясняются намъ отъ начала мірозданія черезъ Его творенія“²⁾. У Лаверрье (читаемъ мы въ его академическомъ некрологѣ) „изученіе неба и вѣра научная только закрѣпляли живую вѣру христіанина, побудившую его въ послѣдній часъ жизни заключить послѣднюю страницу его безсмертнаго ученаго труда словами: „нынѣ отщепенни, Владыко, раба твоего!“ „Всякое основательное естествознаніе ведетъ къ богопознанію“, писалъ въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка извѣстный химикъ Эрстедъ³⁾. „Правильное созерцаніе природы“, подтверждаетъ ботаникъ Алекс. Браунъ, „должно приводить умы отъ твореній къ Творцу“⁴⁾; и что это благородное убѣжденіе не вывѣтрилось изъ душь западныхъ ученыхъ и до послѣдняго времени,—видно изъ словъ другого ботаника, Вестермайера, умершаго въ 1903 году: „награда истиннаго природовѣдѣнія есть богопознаніе: ведемъ людямъ, даже и язычникамъ, открыть этотъ путь къ познанію Бога и веѣ разумныя существа должны бы вступать на него: но если истинное природовѣдѣніе есть нечто столь величавое, то и фальшивое естествознаніе должно имѣть пагубнѣйшія слѣдствія“⁵⁾. Малларъ, прозванный „величайшимъ философомъ изъ минералоговъ“, въ одной изъ своихъ публичныхъ лекцій (въ 1872 г.) говорилъ: „высшая честь, на которую можетъ разчитывать здѣсь, на землѣ, человекъ, это—достигать своимъ разумомъ намѣренія и мысли Творца всего. Осуществлять эту задачу помогаетъ ему наука. Мы здѣсь—не для одного потребленія (даннаго намъ) и не для однихъ наслажденій. Мы здѣсь, говоритъ религія, —для любви и служенія Богу. Мы здѣсь, говоритъ намъ наука, для усп-

¹⁾ „Ausland“. 1869, 1061—1065.

²⁾ Jones. Life and Letters of Faraday. London, 1850, II, 224—225.

³⁾ Oersted. Der Geist in der Natur. Leipzig, 1854. II, 227.

⁴⁾ Kneller, 358.

⁵⁾ Тамъ-же, 361.

лій постигнуть мысль и волю Божію и для того, чтобы восхищаться имъ“ 1). „Мірѣ есть Библия природы, откровение намъ Бога какъ Творца“, пишетъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ современныхъ геологовъ Гейки; „смиренно и благоговѣнно изучая дѣла природы, мы получаемъ возможность постигнуть кое что и изъ всемогущей силы Великаго Промыслителя. И какъ Богъ-Творецъ *видимой* вселенной открываетъ Себя черезъ природу, такъ и Божественный Творецъ и Правитель *невидимаго* раскрываетъ намъ Себя въ Библии“ 2). Къ этимъ свидѣтельствамъ о связи науки съ вѣрою присоединяется и величайшій изъ физиковъ нашего времени лордъ Кельвинъ; въ рѣчи, произнесенной въ маѣ 1903 года, онъ вызываетъ къ своимъ собратьямъ и сотрудникамъ по точному знанію: „не бойтесь быть независимыми мыслителями: если только вы будете думать достаточно глубоко, наука принудитъ васъ къ вѣрѣ въ Бога, къ основѣ всѣхъ религій, и вы признаете, что наука—не врагъ религій, а ея помощница“ 3). „Мы не рискуемъ впасть въ ошибку“, пишетъ астрономъ Фай (Faye) въ своемъ „Обзорѣ космогоническихъ теорій“, „если, изучая звѣздное небо, авторомъ всѣхъ вещей признаемъ, по традиціонной формулѣ, Бога, Отца всемогущаго, творца неба и земли!“ 4) Къ тому же заключенію приходитъ одинъ изъ величайшихъ труженниковъ въ области палеонтологіи Баррандъ, въ посвященіи одной изъ послѣднихъ частей своего 22-томнаго описанія силурійскихъ пластовъ Богеміи высказывающій мысль, что „палеонтологія—родная сестра астрономіи въ томъ смыслѣ, что каждая изъ нихъ, по-своему и въ своихъ предѣлахъ, повѣствуетъ намъ о могуществѣ и славѣ Творца“ 5).

Столь же дружны и опредѣленны отвѣты новѣйшихъ ученыхъ на вопросъ о томъ, существуетъ-ли противорѣчіе между фактами науки и положеніями вѣры. „Ничто не можетъ быть дальше отъ истины, какъ мнѣніе, будто новѣйшія изысканія

1) Тамъ-же, 247.

2) Табрумъ. Религіозныя вѣрованія современныхъ ученыхъ. Москва, 1911, 22.

3) Nineteenth Century. June, 1903.

4) Faye. Sur l'origine du monde. Théories cosmogoniques des anciens et des modernes. Paris, 1896, 3.

5) Kneller, 261.

показали, что Библия и христіанство ошибочны, ложны“, заявляетъ Джозефъ Прествигъ, считавшійся въ моментъ своей кончины (въ 1896 г.) за величайшаго изъ современныхъ геологовъ 1). „Не только нѣтъ вражды между Библией и естествознаніемъ“, говоритъ астрономъ Вилл. Абней, „но мы имѣемъ дѣло какъ разъ съ обратнымъ явленіемъ. Наука устанавливаетъ, что есть извѣстные законы въ природѣ; но тамъ, гдѣ есть законы, долженъ быть и законодатель. Богъ!“ 2)... „Я не знаю ни одного научнаго факта, противорѣчащаго Библии, правильно понятой“, утверждаетъ ботаникъ Каррутерсъ; „Библия не содержитъ въ себѣ научныхъ ошибокъ“ 3). Знаменитый зоологъ Ромэньсъ идетъ дальше: „я ставлю себѣ цѣлью“, пишетъ онъ, „обосновать примиреніе между наукой и религіей гораздо детальнѣе, нежели обыкновенно дѣлается, и однако не покидая чистаго разума. При систематическомъ разслѣдованіи религіи методомъ науки столкновеніе между ними можетъ быть не только улажено относительно вышнихъ обобщеній той или другой, но и совершенно уничтожено во всѣхъ, скольконибудь важныхъ частностяхъ“ 4). Ромэньсъ, какъ извѣстно, далеко не единственный ученый, державшійся такого взгляда: литература детальной защиты Библии съ точки зрѣнія данныхъ новаго естествовѣдѣнія очень обширна, особенно въ Англии и Америкѣ, хотя, надо сознаться, научная строгость и апологетическій тактъ въ ней нерѣдко отстаютъ отъ благонамѣреннаго усердія.

Нѣкоторые считаютъ, впрочемъ, такія детальныя оправданія и совѣмъ излишними; такъ, извѣстный астрономъ Давидъ Джилль замѣчаетъ: „не слѣдуетъ обращать и вниманія на утверждающихъ, будто Библия и религія ложны (съ точки зрѣнія науки). Эти положенія—ни на чемъ не обоснованный вздоръ“, просящій, по мнѣнію другого астронома, Кроммелина, „отъ гордости ума, слишкомъ поспѣшно заключающаго, будто наука можетъ объяснить все“. „Вотъ почему“, по приговору третьяго астронома, Вальтера Брейфанта, „онас-

1) Религіозныя вѣрованія современныхъ ученыхъ, 24.

2) Тамъ-же, 21.

3) Тамъ-же, 34.

4) Romanes. Thoughts on Religion. 1904, p. 114.

ность заключается не въ наукѣ, а въ маломъ знаніи, хотя за вредъ, имъ причиняемый, отвѣтственнымъ должно быть одно человѣческое самомнѣніе, а не наука" 1). „Наоборотъ, по мнѣнію Мансона (извѣстнаго медика и выдающагося исследователя животныхъ паразитовъ), „цѣль всѣхъ людей состоящій ученый, какъ неизбѣжно смиреннѣйшій изъ смертныхъ, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и религіознѣйшій" 2).

Послѣ безцеремонныхъ инсинуаций пропагандистовъ невѣрія о предполагаемой иррелигіозности ученыхъ кажется изумительнымъ то единодушіе, съ которымъ сами вожди науки протестуютъ противъ этого обвиненія, возводимаго въ со-всѣмъ негодную имъ похвалу. „Во времена моей молодости“, писать недавно Уоллэсъ, „существовала оппозиція между наукою и религіею; но теперь положеніе дѣлъ совершенно иное" 3). „Лишь немногіе изъ лидеровъ науки иррелигіозны“, замѣчаетъ извѣстный ассириологъ Сайесъ; „большинство же—какъ разъ противоположнаго убѣжденія; нерелигіозны по большей части тѣ, чьи научныя знанія поверхностны" 4). Такъ же судить знаменитый хирургъ Джеймсъ Пэдджетъ († 1899 г.): „среди ученыхъ вы найдете лишь очень немногихъ, нападающихъ на теологію и на религію; нападки, приписываемыя ученымъ, исходятъ главнымъ образомъ отъ людей очень мало знакомыхъ съ наукою" 5). Другой извѣстный медикъ, Дэйсъ Деквортъ, держится того же мнѣнія: „на свѣтъ свѣтакомъ много слабыхъ, трусливыхъ и невѣжественныхъ болтуновъ! Можете быть увѣренными, что большинство лучшихъ и наиболѣе откровенныхъ ученыхъ не находятъ трудностей въ примиреніи христіанской религіи съ непрерывными добавленіями къ наукѣ, точно такъ же, какъ не считаютъ они и Библію за камень преткновенія для принятія новыхъ точекъ зрѣнія на старыя истины" 6). И наконецъ,—отзывъ Стокса и Кельвина! Вотъ слова перваго: „что касается утвержденія, будто недавнія научныя изысканія обнаружили ложность и несостоятельность Библии и ре-

1) Религіозныя вѣрованія современныхъ ученыхъ. 115, 120, 122—3.

2) Тамъ же, 90.

3) Wallace. The World of Life. 2 edit. London, 1911, 332.

4) Табрумъ, 47—48.

5) Тамъ же, 41.

6) Тамъ же, 44.

лигіи, то на это я, не колеблясь, отвѣчаю: этотъ взглядъ совершенно ложенъ! И не знаю никакихъ здравыхъ выводовъ науки, которые противорѣчили бы христіанской религіи. Быть можетъ, есть кое-какія дикія научныя предположенія, высказываемыя главнымъ образомъ людьми второразряднаго знанія и неправильно выдаваемыя за солидно обоснованныя научныя заключенія, которыя, по своимъ свойствамъ, могутъ вызывать нѣкоторыя затрудненія, если эти фантастическія предположенія будемъ признавать за истину. Но я не позволю себѣ говорить, будто есть дѣйствительныя противорѣчія между наукою и религіей. Противорѣчія эти—только кажуціяся... Что касается предполагаемой пререлигіозности величайшихъ ученыхъ, то мой жизненный опытъ привелъ меня какъ разъ къ обратному заключенію“ 1). Подтверждая вышесказанное, лордъ Кельвинъ добавляетъ: „лишь нѣкоторые изъ болѣе легкомысленныхъ людей, занятыхъ научными изслѣдованіями, уклоняются въ сторону религіознаго отрицанія, но потому лишь, что такого рода умы не смущаются и вообще никакими трудностями“, рѣшная слѣпикомъ отвѣтственные вопросы съ легкостью, не подобающею челоуѣку научно воспитанному 2).

Не довольствуясь заключеніями обще-теистическаго свойства, многіе изъ современныхъ ученыхъ очень опредѣленно заявляютъ не только о своихъ личныхъ христіанскихъ убѣжденіяхъ, но и о связи таковыхъ съ научнымъ міро- и жизневоззрѣніемъ. Извѣстный англійскій медикъ Лейтонъ, указывая на Олivera Лоджа, какъ на проявленіе „склонности современной научной мысли къ установленію того, что можетъ быть названо научнымъ христіанствомъ“, полагаетъ, что „эта тенденція приведетъ скорѣе къ болѣе тѣсному родству истинъ научныхъ съ христіанскими, нежели наоборотъ“ 3). Величайшій сравнительный анатомъ XIX вѣка Робертъ Оуэнъ, въ рѣчи, произнесенной передъ „Христіанскою Ассоціаціей молодыхъ людей“, спрашиваетъ: „пострадало-ли что-либо существенно-христіанское и прекратилось-ли распространеніе и вліяніе христіанскихъ истинъ съ тѣхъ поръ,

1) Тамъ-же, 8, 9.

2) Тамъ-же, 10.

какъ установились нѣкоторыя ученія, будто бы противныя Священному Писанію?“ и отвѣчаетъ: „не бойтесь, и уповайте на Творца вѣчной истины, предопредѣлившаго, что христіанство никогда не погибнетъ ¹⁾“. „Христіанство не устарѣло“, говорилъ въ одной публичной лекціи заслуженный бернскій физикъ Грунеръ, „хотя оно основано и на древнемъ событіи: реальность жизни Христа, Его крестной смерти, Его вокресенія во плоти—вотъ тѣ непоколебимыя скалы, вокругъ которыхъ, порою перекатываясь черезъ нихъ, бушуетъ прибой волнъ различныхъ системъ вѣры (въ томъ числѣ— и вѣры научной!); но не этому прибою опрокинуть ихъ! тысячелѣтія будутъ онѣ стоять непоколебимо!“ ²⁾. Неуничтожимо христіанство и съ чисто научной точки зрѣнія, добавляетъ геологъ Доусонъ, ибо „природа и христіанство, правильно понимаемая, являются частями одного и того же великаго плана,... такъ, что и сама природа вспомнитъ и усовершенствуется только при послѣдней побѣдѣ Евангелія Христова“ ³⁾.

Незамѣнимость христіанства ясна величайшимъ представителямъ современнаго знанія. Такъ про Клэриа Максвелля его биографы пишутъ: „онъ заглянулъ и углубился во всѣ схемы и системы философіи и нашелъ ихъ безсодержательными и неудовлетворительными, или, выражаясь его собственными словами, „недѣлательными, никуда не годными безъ Бога“, и вернулся съ простою, чистосердечною вѣрою въ Евангелію Христа“ ⁴⁾. „Благоговѣнное изученіе и полное признаніе Бога, какъ Отца и какъ вездѣ и во всемъ Сущаго,—вотъ то, что намъ всегда необходимо!“ говоритъ

¹⁾ Тамъ-же, 79.

²⁾ Gruner. Glauben und Wissen. Bern. 1907, 22.

³⁾ Табрумъ, 26.

⁴⁾ Campbell and Garnett. The Life of J. Clerk Maxwell. London, 1882, 416; тамъ же, на стр. 323 „Молитва естествоиспытателя“, найденная въ его бумагахъ послѣ его смерти: „Боже всемогущій, создавшій по Своему подобію человѣка и даровавшій ему душу живую. дабы онъ искалъ Тебя и властвовалъ надъ созданіями Твоими, научи насъ такъ изслѣдовать дѣла рукъ Твоихъ, чтобы мы подчинили землю потребностямъ нашимъ и укрѣпили бы разумъ нашъ на служеніе Тебѣ; и даруй намъ пріять Слово Твое такъ, чтобы мы вѣровали въ Того, Кого Ты послалъ для сообщенія намъ познанія спасенія и средствъ прощенія грѣховъ нашихъ, о чемъ и молимъ Тебя во имя Его, Господа нашего Іисуса Христа“.

Дайсъ-Дѣйвортъ. „Милостивое обнаруженіе Самого Себя великимъ Зодчимъ вселенной совершилось въ Божествѣ Его Сына, Иисуса Христа. Единственное разрѣшеніе всѣхъ нашихъ затрудненій состоитъ въ томъ, чтобы поддерживать въ себѣ смиренную, дѣтскую вѣру и довѣрчивое уваженіе на совершенную любовь къ Богу... Вотъ вѣра, съ которою должно жить и умирать“ ¹⁾. Ее не замѣнить ничѣмъ, не замѣнить и наукою: „въ зданіи религіи (пишетъ Оливеръ Лоджъ) есть части, подъ которыя естественныя науки могутъ съ безопасностью подводить фундаментъ... Но, съ другой стороны, есть также, и всегда будутъ, обширныя религіозныя области, для коихъ научныя *основанія* подобнаго рода являлись бы неумѣстными, хотя научное *содѣйствіе* даже и здѣсь возможно“ ²⁾. Въ томъ же смыслѣ астрономъ Абнэй говоритъ: „ученіе о спасеніи не дается и не можетъ быть преподано наукою, оно—дѣло вѣры, и, какъ таковое, лежитъ внѣ обнаруженій, доступныхъ наукѣ; но сомнѣваться въ истинѣ этого ученія, поскольку оно изложено въ повѣствованіи о немъ, невозможно: если есть Высшій Разумъ, чему, какъ я убѣжденъ, и учитъ наука, то тайна Искупленія не является большею тайною, чѣмъ другіе факты, которыхъ мы также объяснить не можемъ“ ³⁾.

Въ 1876 году, когда волна такъ называемаго ученаго антирелигіознаго отрицанія была сильнѣе, чѣмъ теперь, великій французскій химикъ Ж. Б. А. Дюма въ своей вступительной академической рѣчи, противопоставляя культурнымъ заслугамъ христіанства новое матеріалистическое міровоззрѣніе, проповѣдующее „вступленіе въ бытіе безправное, жизнь безцѣльную и смерть безнадежную“, высказываетъ увѣренность, что „пароксизмъ научнаго мышленія, грозящій, въ мукахъ своего рожденія, возвышеннымъ ученіямъ христіанства, и однако безслѣпый замѣнить ихъ чѣмъ либо инымъ, минуешь... ибо наука уже и теперь убѣдилась, что она пребываетъ въ невѣдѣній сущности вещей и что не ей дава миссія открывать боговъ и взвѣшивать на своихъ грубыхъ вѣсахъ душу человѣческую, какъ и не ей дарована власть

¹⁾ Табрумъ, 44—45.

²⁾ O. Lodge. *Man and the Universe*. 5 edit. London (1909), 55.

³⁾ Тамъ же, 21.

обеспечивать народамъ права на справедливость, взаимную симпатію и свободу“ 1); тогда какъ, наоборотъ, „самые смиреннѣе люди обрѣтаютъ въ глубинѣ сердецъ своихъ понятія души и Бога, какъ аксіомы, для коихъ нѣтъ, да и не требуется, демонстративныхъ доказательствъ. Не окажутся ли правыми эти ученики простодушной вѣры, тѣ, что стараются достигнуть райа путемъ прямого перпендикуляра, пока ученые тратятъ время на слова и препія?.. Если взоры нашихъ предковъ обращались, какъ къ утраченной родинѣ, къ тверди небесной, глубины коей имъ были неизвѣстны, то послѣдніе изъ нашихъ сыновъ, обстѣдовавши всѣ доступныя имъ тайны, не поднимутъ-ли, въ свою очередь, вновь чело къ звѣздному небу, какъ къ забытой, вновь отысканной родинѣ?“ 2)... Эти благородныя слова оказались пророческими: прошла всего одна только четверть вѣка, и наука нашихъ дней, какъ мы только что слышали, въ лицѣ своихъ многочисленныхъ, достойнѣйшихъ вождей вызываетъ: „горѣ имѣемъ не одни сердца, но и умы!“ и привѣтствуетъ издали родину горняго свѣта, проясняющуюся сквозь завѣсу еще тяжелыхъ, но уже рѣдѣющихъ сомнѣній...

VI.

Дожное, предвзятое мнѣніе, столь догматически высказываемое объ пререлигіозности ученыхъ достаточно, какъ мы видѣли, опровергнуто непосредственно самими руководителями современнаго точнаго знанія. Не менѣе рѣшительно протестуютъ они и противъ предполагаемой *принципіальной* несогласности послѣдняго съ вѣрою. Подпочвою такой несогласности, ея будто-бы научною основою почти всегда выставлялось *механистически-матеріалистическое міровоззрѣніе*. Въ предѣлахъ краткаго очерка намъ нѣтъ возможности впасть въ анализъ несостоятельности этого послѣдняго по существу, съ точки зрѣнія новѣйшихъ математиковъ и естествоиспытателей; мы принуждены ограничиться и здѣсь опять ссылками на ихъ собственные приговоры о немъ, да

1) J. B. A. Dumas. Discours. Paris. 1885. T. I, p. XXXV—XXXVIII.

2) J. B. A. Dumas. Discours. II, 129 ss.

указаніемъ на нѣкоторые обзоры этой сложной темы съ общей точки зрѣнія 1).

Поразительна громадность и быстрота переменъ, происшедшей во взглядахъ на механистически-материалистическое міровоззрѣніе за послѣднюю четверть вѣка! Въ половинѣ прошлаго столѣтія, и даже до 80-хъ годовъ его, большинствомъ ученыхъ, не говоря уже объ интеллигентахъ-специалистахъ, оно принималось почти безпрекословно. „Если бы (писать въ 1858 г. математикъ Карлъ Шнелль) насъ спросили: чѣмъ наиболее рѣзко отличается новое естествознаніе отъ прежняго и чѣмъ оно достигло своихъ важнѣйшихъ результатовъ, то, безъ сомнѣнія, должно было бы признать, что этимъ мы обязаны открытію и развитію *механическаго* естествознанія: благодаря только ему, впервые явилась возможность ученія о природѣ въ строго научномъ смыслѣ, какъ содержательной системы апріорно-необходимыхъ, естественныхъ законовъ“ 2).

Механистическое міровоззрѣніе постепенно развилось въ систему такъ называемаго научнаго матеріализма. „Среди безконечнаго разнообразія мнѣній“, говоритъ Оствальдъ, „въ одномъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, въ понятіи о мірѣ высшихъ явленій, разногласіе въ наши дни почти смолкло: отъ математика до врача-практика, почти каждый естественно-исторически мыслявшій человѣкъ... сводилъ свои вѣрованія объ устройствѣ міра на то, что вещи составлены изъ движущихся атомовъ и что эти атомы и дѣйствующія среди нихъ силы—послѣднія реальности, изъ коихъ состоятъ отдѣльныя явленія. Въ безчисленныхъ повтореніяхъ приходилось читать и слышать, что для міра физическаго нельзя

1) Изъ наиболее извѣстнаго, сюда относящагося, сошлемся на J. Ward. *Naturalism und Agnosticism*. (Gifford Lectures 1896—8) 3 ed. London, 1907; на „составившую эпоху“, рѣчь Оствальда *Die Ueberwindung des wissenschaftlichen Materialismus*. Leipzig, 1895, и его же *Vorlesungen über Naturphilosophie* 3 Aufl. Leipzig, 1905; на Helm. *Die Energetik nach ihrer geschichtlichen Entwicklung*. Leipzig, 1898. Stallo. *The Concepts and Theories of Modern Physics*. 4 ed. London, 1900. L. Poincaré. *La Physique moderne; son évolution*. Paris, 1908. J. Arth Thomson. *Progress of Science in the Century*. London, 1905. Em. Picard. *La Science moderne et son état actuel*. Paris, 1908. Веггемъ. *Современное развитие физики*. Одесса, 1908.

2) Snell. *Newton und die mechanische Naturwissenschaft*. 2 Aufl. Leipzig, 1855, 10—12.

найти иного объясненія, кромѣ какъ низведенія его явленій на механику атомовъ“ 1). Но міромъ вышнихъ явленій не ограничивалась задача этого, будто-бы научнаго материализма; онъ стремился къ законченному, по-своему, мопизму, объединяющему въ своей основной концепціи всю совокупность явленій, включая въ нее и міръ внутреннихъ живыхъ организмовъ, за которымъ столь долго, столь устойчиво признавали особый, специфически ему свойственный, духовный характеръ. На физиологію, науку о живущемъ, преимущественно возложили надежду, что она, въ противоположность опротивѣвшему наукѣ дуализму начала духовнаго и матеріальнаго,—дастъ, наконецъ, объединяющій синтезъ того и другого и раскроетъ тайну величайшей изъ міровыхъ загадокъ. Свести уже не одинъ физическіе и химическіе процессы и явленія, но и біологическіе, а въ нихъ—не только все объективное, но и все субъективное на элементы міра тѣлеснаго, матеріальнаго—такова была, по словамъ извѣстнаго физиолога Макса Ферворна, задача материализма 2). Такимъ образомъ (принимая формулу другого славнаго физиолога Дю-Буа-Реймона) „научное естествознаніе становится низведеніемъ измѣненій, имѣющихъ мѣсто въ матеріальномъ мірѣ, на движеніе атомовъ или разрывеніемъ міровыхъ процессовъ въ механику атомовъ... Тамъ, гдѣ удается этого достигнуть, наша потребность въ раскрытіи причинной связи чувствуетъ себя временно удовлетворенною: вѣдь положенія механики математически изобразимы, и имъ присуща та-же аподиктическая достовѣрность, какъ и положеніямъ математическимъ... Если бы только все измѣненія міра матеріальнаго разрывались въ движенія атомовъ... объяснять болѣе уже ничего бы не оставалось... вселенная была-бы научно познана“ 3).

Справедливость требуетъ добавить, что именно это благородное желаніе разгадать тайны міроздавнія и дать имъ объясненіе строго-научное привлекало къ механистическому

1) Ostwald. Die Ueberwindung des wissenschaftlichen Materialismus. Leipzig, 1895, 5—6.

2) Max Verworn. Naturwissenschaft und Weltanschauung. 2 Aufl. Leipzig, 1904, 10, 11.

3) Du Bois Reymond. Ueber die Grenzen des Naturerkennens 6 Aufl. Leipzig, 1884, 12, 13.

міровоззрѣнію его наиболѣе серьезныхъ сторонниковъ. Мы никакъ не можемъ безоговорочно согласиться съ мнѣніемъ Эйкепа, будто „матеріализмъ, безсильный противъ всякой научной философіи, выступаетъ впередъ всегда въ моменты истощенія умозрительной силы“. Метафизическія и этические основы матеріализма, безспорно, и малочисленны, и слабы: но его порывы къ научному мірообъясненію настолько стройны и радикальны, что они не даромъ влекли къ себѣ столькихъ великихъ представителей точнаго знанія, не исключая нѣрѣдко и такихъ, которые въ метафизическомъ и этическомъ отношеніяхъ вовсе не склонны были къ матеріализму или: нши, въ этихъ областяхъ, даже въ разрѣзъ съ нимъ¹⁾. Цѣ-

1) Не въ пору истощенія умозрительной философіи, а, наоборотъ, одновременно съ ея расцвѣтомъ механическое мірообъясненіе привлекаетъ къ себѣ вниманіе величайшихъ умовъ XVII вѣка именно потому, что они связывали съ нимъ надежды на возможность научнаго объясненія природы, безъ тѣхъ однако отрицательныхъ, антирелигіозныхъ заключеній отсюда, которыя добавлялись искони и понынѣ матеріалистами цѣлостнаго, послѣдовательнаго типа. Знаменательнымъ фактомъ въ этомъ смыслѣ остается тотъ, что именно отецъ цовой спиритуалистической философіи Декартъ былъ въ то же время и главнымъ, систематическимъ и послѣдовательнымъ начинателемъ механическаго мірообъясненія, ибо ни Коперникъ, ни Винчи, ни Кеплеръ и даже Галилей, несмотря на всѣ ихъ заслуги въ области изученія законовъ движенія, не возводили его еще въ единственную основу цѣлаго научнаго естественнаго міровоззрѣнія. (Умовъ. Значеніе Декарта въ исторіи физическихъ наукъ въ Сборникъ по философіи естествознанія. Москва. 1906, 4). Декартъ, лично столь далекій отъ метафизическаго и этическаго матеріализма и отъ религіознаго невѣрія, былъ тѣмъ не менѣе первымъ физикомъ новаго времени, имѣвшимъ смѣлость, по чисто-научнымъ мотивамъ, провозгласить возможность послѣдовательнаго кинетическаго мірообъясненія („всѣ измѣненія матеріи или всѣ различія ея формъ зависятъ отъ движенія“. *Cartesii Principia Philosophiae*. II, 23). Столь пещодный съ нимъ оппонентъ его (въ другихъ отношеніяхъ) Гоббсъ соглашался съ тѣмъ, что „физическія измѣненія по необходимости должны быть не чѣмъ инымъ, какъ только движеніемъ частей измѣняющагося тѣла; причиною же движенія въ тѣлѣ можетъ быть не что иное, какъ другое, смежное и движущееся тѣло“ (*Hobbesii. Philosophia prima*. IX, 9). Несмотря на все отдѣляющее Лейбница отъ матеріализма, и Лейбницъ былъ убѣжденъ, что „въ природѣ все дѣлается механически“ (*Nouveaux Essais* въ Opera edit. Erdmann, 333) и что „тѣла естественно движутся всегда не иначе, какъ другимъ тѣломъ, дающимъ ихъ или къ нимъ прикасающимся“ (5 Lettre à Clarke. Erdmann, 767). Равнымъ образомъ Гюйгенсъ настаивалъ на томъ, что „въ истинной философіи причины

дый рядъ блестящихъ физическихъ открытій, казалось, подтверждать въ XIX вѣкѣ примѣненіе уже раньше прочно установленныхъ въ небесной механикѣ законовъ единообразнаго дѣйствія движущей силы къ „міру малыхъ“, къ міру атомистическому. Таково было для явленій магнетизма и электричества открытіе закона взаимодействія или взаимнаго притяженія, въ точности совпадавшаго съ Ньютоновою формулою. Такъ, кинетическая теорія газовъ отлично, даже вплоть до математическихъ выраженій, поддавалась объясненію всесторонними колебаніями ихъ молекулъ. Далѣе, выработанное на видимыхъ процессахъ въ жидкихъ тѣлахъ ученіе о волнообразныхъ движеніяхъ допустило оправданное точнѣйшимъ наблюденіемъ объясненіе звука и тепловъ изъ движущихся волнъ воздуха или иной передаточной среды по чисто-механическимъ же законамъ. Затѣмъ, многочисленныя сходства и совпаденія акустическихъ и оптическихъ процессовъ побудили объяснять и свѣтовые явленія колебаніями эѳира. И здѣсь, еще разъ, удалось изъяснить данныя процессы наглядными подобіями движеній молекулъ эѳира и свести замѣчаемыя закономерности на простые механическіе законы. Далѣе, очевидное средство свѣта и теплоты привело ко включенію явленій и этой послѣдней въ кругъ механическихъ движеній атомовъ. Наконецъ, свѣтъ и теплота были сблизены съ электричествомъ и магнетизмомъ, и Максвеллю и другимъ явилась возможность истолковать все эти силы какъ различныя формы или дѣйствія одного и того же излученія (радіаціи) эѳира, однородныя и лишь дѣлшою волнъ и числомъ вибрацій отличающіяся движенія того, при дѣйствіи на вѣсомыя матерьяльныя тѣла, смотря

всѣхъ естественныхъ явленій должны быть мыслимы какъ механическія, если только мы не желаемъ отказаться отъ всякой надежды что либо понять въ физикѣ“ (Huygens. Tractatus de lumine въ Opera. 1728. I, 2.) Самъ Ньютонъ, несмотря на его, какъ казалось современникамъ, отклоненіе отъ яснаго механическаго начала при объясненіи мірозданія къ „таинственной потаенной силѣ тяготѣнія“, высказывалъ (въ предисловіи къ 1-му изданію Principia) желаніе, „чтобы и все остальные явленія природы могли быть выведены... изъ механическихъ основаній“. Завершеніемъ всей этой тенденціи является ставшая классическою Лапласова „міровая формула“, „способная объять движенія какъ самыхъ большихъ міровыхъ тѣлъ, такъ и легчайшаго атома... постигая все будущее и все прошедшее въ настоящемъ“.

до нхъ особымъ свойствамъ, превращаются въ различныя, опредѣленныя формы волнъ ¹⁾.

Такъ, постепенно, но довольно быстро сложилось матеріалистически-механистическое воззрѣніе на природу, настолько соблазнительное по своей стройности и кающемуся совпадению со многими дѣльными нагляднаго опыта, что къ этому міробоображенію стали относиться какъ къ единственному, удовлетворяющему научнымъ требованіямъ. Вотъ почему одинъ изъ творцовъ спектральнаго анализа, Кирхгофъ, въ своей гейдельбергской рѣчи (1865 г.) „о цѣли естественныхъ наукъ“ могъ опредѣлить эту цѣль словами: „свести всѣ феномены природы на механическіе ²⁾. Черезъ четыре года не менѣе славный Гельмгольцъ повторилъ ту же мысль на Инсбрукскомъ съѣздѣ натуралистовъ и врачей: „конечная цѣль естественныхъ наукъ заключается въ томъ, чтобы найти лежащія въ основѣ всѣхъ остальныхъ измѣненій движенія, то есть разложиться въ механику“ ³⁾. Того же взгляда держался Клэркъ Максвеллъ: „когда физическое явленіе можетъ быть вполне точно описано какъ перемѣна въ конфигураціи и движеніи известной матеріальной системы, тогда динамическое объясненіе этого явленія можетъ считаться законченнымъ. Мы не можемъ себѣ представить никакаго дальнѣйшаго объясненія ни пугливымъ, ни желательнымъ, ни возможнымъ“ ⁴⁾.

Отъ физиковъ то же убѣжденіе переходитъ къ физиологамъ и распространяется ими на всю область сложнѣйшихъ явленій органической жизни. Здѣсь—уже конечное торжество механистически-матеріалистическаго мірвоззрѣнія. „Каждый анализъ живого организма“, пишетъ Людвигъ еще въ 1852 г., „обнаруживаетъ въ послѣднемъ ограниченное число химическихъ атомовъ, присутствіе свѣта —(тепло—)

¹⁾ Предыдущій обзоръ—по Schueben. Die energetische Weltanschauung. Leipzig. (1907), 27—36.

²⁾ Kirchhoff. Ueber das Ziel der Naturwissenschaft. Heidelberg, 1865, 9, 24.

³⁾ Helmholtz. Vorträge und Reden. 4 Aufl. Braunschweig, 1896, I, 379. „Всѣ перемѣны въ мірѣ суть перемѣны пространственнаго распредѣленія элементарныхъ веществъ и сводятся въ послѣдней инстанціи на движеніе“.—Тамъ-же.

⁴⁾ Clerk Maxwell. On the dynamical Evidence of the molecular Constitution of Bodies.

носнаго зѣбра и электрическихъ флюидовъ. Эти данныя приводятъ къ заключенію, что всея явленія живого тѣла могутъ быть слѣдствіями простыхъ притяженій и оттолкновеній, происходящихъ отъ столкновенія этихъ элементарныхъ началъ" 1). Въ 70-хъ годахъ XIX вѣка Вундтъ говоритъ: „согласно господствующему нынѣ физическому или механическому міровоззрѣнію, ... послѣдними законами, по которымъ дѣйствуютъ естественныя причины, всегда оказываются основные законы механики. Физиологія, отрасль прикладнаго природовѣдѣнія, ...оставляетъ (съ этой точки зрѣнія) свою задачу въ томъ, чтобы свести жизненныя явленія на общіе естественныя законы механики" 2). Это стремленіе къ чистомеханической точкѣ зрѣнія узаконяетъ и Геккель 3), а раздѣлявшій ее въ ту пору Дю-Буа-Реймондъ формулируетъ ее въ тѣхъ общихъ выводахъ, которые я привелъ уже раньше.

Широкій успѣхъ дарвинистической теоріи развитія оказался очень благоприятнымъ обстоятельствомъ для укрѣпленія механистически - материалистическаго міровобъясненія. Именно въ сочетаніи съ эволюціоннымъ ученіемъ оно и нашло свое повѣйшее завершеніе въ Геккелевомъ монизмѣ, этомъ, такъ сказать, исправленномъ и расширенномъ изданіи предшествующаго грубаго популярнаго материализма Бюхнера-Молешоттговскаго типа. „Общая теорія эволюціи“, говоритъ Іенскій зоологъ, „признаетъ, что въ природѣ свершается великій, единый, непрерывный и вѣчный процессъ развитія: что все, безъ исключенія, естественныя явленія... подчинены одному и тому же великому закону каузальности и что все они, въ концѣ концовъ, должны быть сведены на атомистическую механику“. „Эта теорія—единственная научная, единственная дающая рациональное объясненіе вселенной и удовлетворяющая потребность человѣческаго разума въ началѣ причинности, такъ какъ всея явленія природы, въ смыслѣ частей единаго великаго процесса развитія, она приводитъ къ механической, каузальной связи" 4).

1) Ludwig. Lehrbuch der Physiologie des Menschen. B. I. Einleitung.

2) Wundt. Lehrbuch der Physiologie des Menschen. 4 Aufl., 3, 2.

3) On the Physical Basis of Life въ Lay Sermons, Addresses and Reviews. London, 1906, 125—6.

4) Haeckel. Freie Wissenschaft und freie Lehre, 9, 10, 11.

Своего наиболее эффектного выраженія это міровоззрѣніе нашло въ примѣненіи къ объясненію явленій человеческого духа вообще и волевыхъ процессовъ въ частности. Здѣсь развилась съ метафизическою быстротою роста тѣ боевыя черты новаго матеріализма, которыя, именно своею дерзостью, придали ему во мнѣніи полуученой публики особо соблазнительную окраску, сообщивши ему противуидеалистическій и антирелигіозный характеръ. То, что возвѣститель выходець изъ другой, богословско-критической и философской области, Давидъ Штраусъ, что вся жизнь, не исключая ея утонченнѣйшихъ духовныхъ процессовъ, „есть не что иное, какъ особый, наиболее сложный видъ механики“, что все психическое и этическое сводится, следовательно, на физиологическое, какъ и это, въ свою очередь,—на физическое и механическое,—эта, будь-бы „новая вѣра“ наша себѣ догматическое признаніе въ устахъ многочисленныхъ популяризаторовъ поверхностно-понимаемаго и не ради научныхъ цѣлей эксплуатируемаго матеріализма. Еще старикъ Кабансъ увѣрялъ, что „мозгъ предназначенъ для мысленія, токъ въ токъ какъ желудокъ для пищеваженія или печень для выделенія желчи“. К. Фохтъ вернулся черезъ полвѣка къ этому эффектному упрощенію: „каждый изслѣдователь природы“, по его словамъ, „должительно придетъ къ взгляду, что всѣ способности, называемыя дѣйствіями души,—просто функции мозговой субстанціи или, что онѣ стоятъ въ такомъ же отношеніи къ мозгу, какъ желчь къ печени или моча къ почкамъ“¹⁾. Другой кумиръ 60-хъ годовъ Моленоттъ, утверждалъ, что „мысль есть движеніе, перемѣщеніе мозговой субстанціи“²⁾, а по еще болѣе определенной квалифкаціи Лейбнѣфельда, мысль есть „сгущенное движеніе“³⁾. Бюхнеръ, которому, какъ бы въ наказаніе за долговѣчность, пришлось, поневолѣ, смягчать мальчишескія дерзости боевой поры матеріализма, призналъ Фохтово выраженіе за разумно выбранное, такъ какъ, „при самомъ безпристрастномъ разсмотрѣніи, мы не въ состояніи найти аналогіи или дѣйствительнаго сходства между выделеніемъ желчи и урины и

¹⁾ K. Vogt. Physiologische Briefe, 323—5.

²⁾ Moleschott. Kreislauf des Lebens. 2 Aufl., 385, 415—419.

³⁾ V. Бюхнера Kraft und Stoff. 15 Aufl., 137.

тѣмъ процессомъ, которымъ порождается въ мозгу мысль. Мысль—не экскрементъ, а дѣятельность или движеніе опредѣленнымъ образомъ соединенныхъ въ мозгу веществъ и матеріальныхъ сочетаній“ ¹⁾. Однако механическимъ актомъ матеріи мышленіе остается и у Бюхнера: „разумъ и мысль— не сама матерія“, но это „особая форма всеобщаго движенія природы“; „они матеріальны какъ обнаруженія матеріальнаго субстрата, отъ котораго они неотдѣлимы... Сознаніе, какъ и чувство, какъ и воля, есть механическое дѣйствіе мозговыхъ кѣловокъ и, какъ таковое, должно быть отнесено къ процессамъ химическимъ и физическимъ“ ²⁾. Повторяя дословно послѣднія выраженія, и Геккель видитъ въ сознаніи только неврологическую проблему, сводя его на механическую работу ганглиозныхъ кѣловокъ и превращая всю психологію только въ отдѣлъ фивіологіи ³⁾.

Изъ этой послѣдней стороны механистически-матеріалистическаго міровоззрѣнія были выведены заключенія наиболѣе важныя въ нравственномъ и религіозномъ отношеніяхъ. Во-1) па-чисто упразднѣлась душа, въ смыслѣ самостоятельной субстанціи или силы; во-2) отрицалась свобода воли и, наконецъ, — безсмертіе души. „Ни коимъ образомъ душа или духъ не могутъ быть самостоятельнымъ существомъ: это противъ всѣмъ естественнымъ фактамъ!“ — вотъ какъ, еднимъ махомъ и непрерываемо-догматическимъ тономъ, рѣшается первый вопросъ въ столь усердно рекомендуемой агитаторами цевѣрія книгѣ Шнехта ⁴⁾. Но Бюхнеру „великая ошибка философскихъ школъ въ томъ и состояла, что слова „душа, духъ, мысль, ощущеніе, воля, жизнь“ онѣ принимали за реальныя вещи и тѣмъ произвели нагубную путаницу въ совершенно простомъ положеніи дѣла... Вполнѣ очевидно и ясно, что матерія мыслить... Нѣтъ мысли безъ мозга!“ ⁵⁾; „нѣтъ мысли безъ фосфора!“ еще опредѣленнѣе добавилъ Молениотъ. Всѣ толки о единствѣ, имматеріальности и цѣльности сознанія—пустыя бре-

¹⁾ Тамъ-же, 321.

²⁾ Тамъ-же, 323; 312—3.

³⁾ Геккель. Міровыя загадки, 191; Der Monismus, 23.

⁴⁾ Specht, 234.

⁵⁾ Kraft u. Stoff, 323, 324, 327.

дин: „сознаніе сложно, протяжено, дѣлимо, измѣнчиво“¹⁾. Единой цѣльной, устойчивой души нѣтъ. Какъ нѣкогда Бюхнеръ, какъ теперь Геккель оновѣщаютъ, словно о нецререваемомъ приговорѣ, что, „благодаря великому прогрессу современной біологіи, душа признана суммой функцій мозга“²⁾. „Мы, медики“, говорятъ, по болѣе чѣмъ сомнительному полномочію отъ своихъ ученыхъ коллегъ, П. И. Ковалевскій, „подъ именемъ души разумѣемъ сумму отправленій первой системы.... одно изъ проявленій матеріальной силы“. Забывая или игнорируя осмѣяніе, постигнутое за истекшее полу столѣтіе знаменитую фразу Фохта, русскій профессоръ имѣетъ храбрость увѣрять, будто „*всѣ* натуралисты говорятъ, что наша душа есть такая же функція нашего организма, какъ желчь — отдѣленіе печени, желудочный сокъ — слизистой тлани желудка, моча—почекъ и т. д.“³⁾. Съ точки зрѣнія современнаго, расширеннаго, монистическаго матеріализма, признающаго за реальное много такого, въ чемъ болѣе грубый матеріализмъ 60-70-хъ годовъ видѣть только воображаемое, приходится нѣсколько обновить теорію низведенія *всѣхъ* явленій духовной жизни на матеріальную основу. Эту послѣднюю, въ ея психическихъ обнаруженіяхъ, Геккель обозначаетъ „пока“ терминомъ „психоплазма“, находя доказаннымъ „химическимъ анализомъ, что этотъ матеріальный базисъ, безъ котораго никакая психическая дѣятельность немыслима, принадлежитъ къ группѣ плазматическихъ тѣлъ, то есть, тѣхъ бѣлковыхъ углеродистыхъ соединений, которыя лежатъ въ основѣ *всѣхъ* проявленій жизни... Эта душевная субстанція есть носительница психен, понимаемой не какъ особое существо, а какъ собирательное понятіе *всѣхъ* психическихъ функцій плазмы“⁴⁾.

Въ тѣсной связи съ отрицаемъ самостоятельности духовнаго начала стоитъ уиравленіе свободы воли. „Воля, какъ и сознаніе,—не абсолютная, самостоятельная, основная сила: въ этомъ смыслѣ она—нелѣпность, типичная выдумка богословскаго хитроумія, ибо ничто въ мірѣ не можетъ выйти

1) Тамъ-же, 332.

2) Геккель. Союзъ монистовъ. Лейпцигъ—С.-Петербургъ. 1907, 62.

3) П. И. Ковалевскій. Мірозданіе. СПб. Изд. Вольфа. 94, 95, 110.

4) Міров. загадки, 98, 99, 117.

изъ подвластности непоколебимому закону причинности" ¹⁾. „Съ убѣжденіемъ въ закономѣрности всего совершающагося вѣра въ произвольность несоединима... материализмъ не можетъ признать его, такъ же точно, какъ и случай" ²⁾, поучаютъ Шпехтъ и Штреккеръ, оставаясь вѣрными старому взгляду Моленшотта, что „воля есть результатъ пастырія и вліянія родителей, няньки, мѣста и времени, удовольствій и погоды, звука и свѣта, нищи и одежды" ³⁾, всего, чего угодно, только не свободнаго, не самостоятельнаго импульса! Свобода воли, по Ковалевскому, „есть также функція мозга", подчиняющаяся тѣмъ же законамъ механической необходимости, какъ и сознание: „дѣянія—результатъ органической дѣятельности мозга, и всѣ отклоненія въ отравленіяхъ души, всѣ преступленія суть явленія невольныя, а, значитъ, и невмѣняемыя" ⁴⁾. И по Геккелю „старая догма свободы воли совершенно несостоятельна": для автора „Міровыхъ загадокъ" эта послѣдняя изъ загадокъ „не можетъ быть даже предметомъ критическаго, научнаго объясненія, ибо она, какъ чистая догма, основана на заблужденіи и въ дѣйствительности вовсе не существуетъ" ⁵⁾.

Понятно послѣ предыдущаго, какаю участь ждетъ въ этомъ міровоззрѣніи ученіе о безсмертіи. „Предположить его для одной мозговой функціи нашего организма", говорилъ еще Фохтъ, „обязывало бы распространить право на безсмертіе и на всѣ остальные органы. Разсуждая послѣдовательно, мы должны будемъ признать въ такомъ случаѣ безсмертными мускульныя, печеночныя, почечныя и кишечныя души!". „Безсмертная душа богослововъ и спиритуалистическихъ философовъ не можетъ устоять передъ форумомъ науки. Душа связана съ мозгомъ, образуется по мѣрѣ его развитія и съ нимъ же уничтожается". Въ этомъ, завѣряетъ своихъ читателей Шпехтъ, „согласны *всѣ* мужики науки" ⁶⁾! „Вѣра въ безсмертіе неразумна, нездорова, посажена въ умахъ некуе-

¹⁾ Specht, 316, 225.

²⁾ Strecker. Welt und Menschheit, 83.

³⁾ Moleschott. Kreislauf, 436.

⁴⁾ Ковалевскій. Мірозданіе, 114—115.

⁵⁾ Міровыя загадки, 26.

⁶⁾ Specht, 292.

ственно; она—явленіе воистинѣ патологическое” 1). „Не разсужденіе, а только упрямый производъ, не наука, а только вѣра могутъ служить опорой плечъ личнаго безмертія” 2). Однако эта вѣра съ научной точки зрѣнія изображается Геккелемъ невозможителною: „въ научномъ смыслѣ безмертіе есть сохраненіе субстанціи: космосъ въ своей совокупности дѣйствительно безмертенъ; наоборотъ, мысль о личномъ безсмертіи совершенно несостоятельна: это одинъ изъ послѣдственныхъ членовъ вѣры неразумной догматики, ставшей анахронизмомъ и полнымъ абсурдомъ” 3). „Эта суевѣрная твердыня всѣхъ мистическихъ и дуалистическихъ міровоззрѣній... въ двадцатомъ вѣкѣ можетъ еще быть предметомъ трансцендентальной вѣры, но никакъ не серьезнаго научнаго изслѣдованія... Это чистѣйшее суевѣріе... основано главнымъ образомъ на воображеніи, на отсутствіи яснаго сужденія и послѣдовательнаго мышленія. Окончательный отказъ отъ этой атанистической иллюзіи былъ бы, по моему твердому и честному убѣжденію, не только не болѣзненной потерей, а, наоборотъ, неоцѣнимымъ приобрѣтеніемъ”... „Съ этимъ непостижимымъ представленіемъ реалистическому воззрѣнію на природу, господствующему въ наше время, рѣшительно нечего дѣлать” 4).

Нечего дѣлать было не „реалистическому”, а фантастическому міровоззрѣнію догматиковъ матеріализма и съ послѣднимъ изъ „непостижимыхъ” и сѣбительныхъ для нихъ представленій, съ понятіемъ Бога: и оно, какъ мы уже раньше видѣли, столь же догматично и тенденціозно устранено было изъ этого упрощеннаго міровоззрѣнія подъ благовиднымъ предлогомъ что „не слѣдуетъ увеличивать міровыхъ загадокъ прибавленіемъ къ нимъ еще одной, самой непонятной, наиболѣе необъяснимой изъ всѣхъ”.

Такъ, въ быстромъ ходѣ своего развитія, механистически-матеріалистическое ученіе сложилось въ систему, обнимающую не одиѣ теоретическія проблемы знанія, но и практическія основныя задачи жизни... Она, несомнѣнно, обладала

1) Шроотъ у Шпехта, 307.

2) Kraft und Stoff, 424.

3) Haeckel. Der Monismus, 25 и его же Союзъ Моноистовъ. Лейпцигъ—С.-Петербургъ, 1907, 62.

4) Міров. загадки, 197; 213—214, 218.

качествами, дѣлавшими ее, хотя и по разнымъ побужденіямъ, привлекательными и для ученыхъ, и для широкаго образованнаго или полубообразованнаго круга. Первыхъ манила простота и стройность объясненій многообразнѣйшихъ явленій природы наименьшимъ количествомъ основныхъ началъ, наиболее поддающихся, будто бы, научному наблюденію и учету; вторыхъ привлекала баянущаяся легкость и ясность такого мірообъясненія. То, къ чему настоящіе ученые приходили путемъ долгихъ и трудныхъ разсѣдованій, популяризаторами знанія обобщалось поспѣшно и легкомысленно. Въ короткихъ догматическихъ формулахъ и въ бойкихъ афоризмахъ, въ модныхъ летучихъ словахъ, подхватывавшихся „передовою“ публикою, получавшею такимъ образомъ возможность, съ видомъ компетентнаго знатока отстаивать, на будто бы научныхъ основаніяхъ, положенія нецрѣвѣренныя, принятія по-наслышкѣ. „На глазахъ у ученыхъ (у физиологовъ въ особенности) совершалось пѣчто изумительное“, говоритъ извѣстный ботаникъ Нэгели: „труднѣйшая задача науки разрабатывалась публичнестетически, не-физиологами, въ цѣломъ потокѣ статей,... причѣмъ увѣренность и опредѣленность сужденій возрастали именно тамъ, гдѣ наимѣнѣе было на то компетенціи. Тогда какъ физиологи воздерживались отъ толковъ о труднѣйшихъ вопросахъ, а стоявшіе къ нимъ близко другіе естествоиспытатели выражались осторожно, мнѣнія становились все рѣшительнѣе по мѣрѣ удаленія отъ надежной почвы... И этотъ нелогическій пріемъ простирался до того, что, ...безъ необходимыхъ знаній и развитія, обсуждалась даже детальныя вопросы и выдавались за ученую систему тѣмн, которые, вмѣсто того, чтобы самимъ учиться, начинали прямо съ поученія другихъ“ 1). Натурфилософія когда-то „до неба возносившаяся“, была теперь до праха уншена. Въ противоположность героической цорѣ философскаго идеализма, антиреалистическая тенденція котораго такъ наивно сказала въ некрепнемъ восклицаніи Ролле-Кольтара „иѣтъ ничего презрѣннѣе факта!“ 2) здѣсь развилось идолопоклонство факту при поразительномъ пренебреженіи къ разсужденію, безъ котораго и самые факты не могутъ быть ни

1) Nägeli. Theorie der Abstammungslehre. 1884. Einleitung, 3.

2) Brunetière. Discours de combat. I, 6.

глубоко постигнуты, ни правильно оцѣнены, ни даже должнымъ образомъ описаны. Но, по вѣрному замѣчанію Рауля Франка, „страхъ передъ критическимъ разумомъ и презрѣніе къ какому бы то ни было натурфилософованію жестоко отметили за себя: никогда еще столь очевидныя противорѣчія и такой хаосъ полумыслей не выдавался за подлинныя, не терпяція возраженій истины, какъ въ періодъ отъ 60-хъ до 90-хъ годовъ, пока эту, гнетущую умы истому не встряхнула, наконецъ, Геккелева натурфилософія, пробудившая среди естествоиспытателей снова уваженіе къ философованію и заставившая ихъ, если они не желали быть побитыми, заняться, хотя сколько нибудь, логическою и гносеологическою выправкою“. ¹⁾

На бѣду, творецъ этой новой натурфилософіи оказался, по злему выраженію Адикеса, „такимъ же философскимъ нулемъ, какъ Бюхнеръ“ ²⁾, настолько поверхностнымъ мыслителемъ, что „Міровыя Загадки“ (говоритъ Паульсенъ) невозможно читать, не краснѣя отъ стыда за автора и за читателей“ ³⁾. Даже расположеннымъ къ Геккелю натуралистамъ приходится публично оговариваться, что этотъ „геніальный сыръ XIX вѣка полонъ и увлеченій, и отсталости отъ современной науки, и противорѣчій съ ея послѣдними данными“ ³⁾. Извѣстный физикъ Оливеръ Лоджъ видитъ именно на Геккель поучительный примѣръ серьезнаго ученаго ума, который становится смѣшнымъ, какъ скоро ветушаетъ въ чуждую ему область философіи, такъ, что и опровергать его, съ философской стороны не стоитъ: достаточно встрѣтиться съ его „монистическою міровою схемою“ на чисто научномъ полѣ, чтобы показать, какъ далеко загналъ онъ научныя теоріи въ сферы гаданій и гипотезъ, гдѣ онѣ теряютъ всякую связь съ какою бы то ни было реальною наукою. Такого рода схемы, какъ Геккелева, философамъ должны казаться рудиментарными и устарѣвшими, а людямъ науки — произвольными, гипотетическими, отчасти — ложными, а въ нѣчто со-

¹⁾ Adickes (профессоръ философіи въ Килѣ) Kant contra Haeckel. Berlin, 1901, 2.

²⁾ Paulsen. Ern. Haeckel als Philosoph в Preuss. Jahrbücher B. 101, 1 Heft, 1900.

³⁾ Проф. Шимкевичъ въ предисловіи къ русс. переводу „Міровыхъ загадокъ“ 1907, VI, и многія примѣчанія къ тексту.

вѣтъмъ неубѣдительными... Лучше отказаться отъ всякаго монизма, чѣмъ довольствоваться такимъ скоросигльнимъ и дешевымъ, какъ этотъ" 1). Другой великій натуралистъ Уолдъсъ подтверждаетъ строгій приговоръ бирмингемскаго физика: Геккель (говорить онъ) въ своихъ попыткахъ трактовать проблемы безкопечности и вѣчности, со своими крайне догматическими утвержденіями, „выдаетъ за положительные факты то, что даже не можетъ быть познано... Это уже конечно—не наука; а если это философія, то очень плохая... сочетаніе догматическаго отрицанія и догматическаго же всевѣдѣнія... претензія на какое-то высшее знаніе, скрывающая дѣйствительное невѣжество относительно самой природы жизни" 2).

Таковы сужденія знатоковъ дѣла о натурфилософійн обновленнаго матеріализма 3). Какой контрастъ съ отношеніемъ къ нему большинства читателей „Міровыхъ загадокъ“, разошедшихся за 9 лѣтъ въ нѣмецкомъ изданіи въ 200,000 экземпляровъ, а въ англійскомъ въ 30000 въ первые три мѣсяца послѣ напечатанія 4)! Успѣхъ какъ будто поразительный!.. но успѣхъ, по мнѣнію философа Паульсена, „вызывающій чувство жгучаго стыда за то состояніе, въ которомъ находится общее и философское образованіе народа! Что вообще подобная книга возможна, что она пишется, печатается, покупается, читается, что ей могутъ вѣрить, могутъ одобрять ее у народа, имѣющаго Капта, Гете, Шопенгауэра,—вотъ что больно!" 5). Причины успѣха лежатъ, очевидно, въ соотвѣтствіи книги духу той антиидеалистической и антирелигіозной пропаганды, условія и приемы которой мы излагали выше 6); научный элементъ тутъ существенной роли не играетъ: именно въ научной, физической основѣ своей предполагаемой философійн, говоритъ физикъ Хвольсонъ, Геккель обнаруживаетъ „почти невѣроятное не-

1) O. Lodge. *Life and Matter*. 4 ed. London, 1907, 3; 11, 13.

2) Wallace. *The World of Life*. 2 ed. London, 1911, 6—8.

3) См. еще многое на ту же тему въ книгѣ Деннерга. Геккель и его „Міровыя загадки“ по сужденіямъ специалистовъ. Москва 1909.

4) Dennert—Godesberg. *Die Naturwissenschaft und der Kampf um die Weltanschauung*. Frankfurt a M. 1908, 4. Геккель. *Міровыя загадки*, 402.

5) Paulsen. *op. cit.*

6) Объ этомъ Dennert—Godesberg. *Naturwissenschaft u. Kampf um die Weltanschauung*, 5—7.

вѣжество;... пасмышка вѣка была бы здѣсь сплннгомъ легкимъ наказаніемъ; здѣсь умѣстище шная, ббольшая кара—забвеніе: переть моголюю „Міровыхъ загадокъ“ въ будущемъ никто шляцы не спнметъ! ¹⁾. „Догматическій матеріализмъ есть метафизика наихудшаго сорта“, замѣчаетъ д-ръ Ритчи: онъ долженъ быть пасть, потому что уже къ концу XIX вѣка превзойдена была мѣра терпѣнія, возможнаго по отношенію къ нему: „переломъ (говоритъ Рауль Франсэ) стать неизбеженъ, и нынѣ это міровоззрѣніе—уже пережитой моментъ въ исторіи развитія современнаго естествознанія“ ²⁾.

Но если этотъ фактъ, по вышеуказаннымъ тенденціоннымъ мотивамъ, замалчивается не только въ общедоступной литературѣ, но даже иногда и въ научно-педагогической ередѣ, подъ предлогомъ неудобства посвящать папнающихся заниматься наукою сразу въ еще неуставовившіяся, еще не сложившіяся въ систему ученія поваго, уже не-матеріалистическаго міровоззрѣнія,—необходимо привести хотя немногіе изъ многихъ протестовъ выдающихся вождей повѣйшаго естествознанія противъ механистически-матеріалистическаго міробъясненія.

Теперь, когда оно изъ повелителя настоящаго переходитъ въ пережитокъ прошлаго, стали вспоминать и прежнія возраженія противъ него, незамѣченныя или не вѣрно опфпенныя раньше. Такъ, на Тиндалля часто ссылались, какъ на выдающагося сторонника научнаго матеріализма. Несомнѣнно, поводы къ такому заключенію давали нѣкоторыя изъ его выраженій, напримѣръ слѣдующія изъ его, столь нагрѣмѣвшей въ свое время бѣлыфастской рѣчи: „въ силу штеллектуальной необходимости, я переступаю за предѣлы очевидности опыта, и именно въ той матеріи, которая, по нашему невѣдѣнію ся потенциальныхъ силъ и несмотря на наше заявленіе о благоговѣнн къ ся Творцу, оставалась до сихъ поръ покрытою позоромъ, я усматриваю надежду и могущество всей земной жизни“ ³⁾. Но если отъ этихъ нарядныхъ, по туманныхъ словъ мы обратимся къ болѣе определеннымъ, мы убѣдимся, что для Тиндалля вопросъ о сведеніи

¹⁾ Chwolson. Hegel, Haeckel, Kossuth und das XII Gebot. Braunschweig, 1906.

²⁾ R. Francé. Werth der Wissenschaft. Vorwort zur 2 Ausgabe.

³⁾ Tyndall. Belfast Address. Revised edit., 58, 59.

всего духовнаго на матеріальное оставался далеко не рѣшеннымъ; наоборотъ, Тиндаль настаивалъ на самостоятельности обонхъ началъ: переходъ отъ физическихъ процессовъ въ мозгу къ соответственнымъ фактамъ сознанія, говорилъ онъ, не укладывается въ наше пониманіе, остается для насъ просто невысказаннымъ; непостижимымъ представляется, чтобы атомы, въ отдѣльности лишеныя способности мышленія и оцущенія, могли бы, въ своихъ сочетаніяхъ, раждать чувство и мысль ¹⁾.

Еще важнѣе отношеніе Гексли къ матеріализму. Не его ли, сидѣвъ и рядомъ, выставляли авторитетнѣйшимъ защитникомъ этой системы? не возводили ли и самого его въ настоящаго матеріалиста? А между тѣмъ онъ опредѣлительнымъ образомъ заявляетъ: „я не матеріалистъ, а наоборотъ. Считаю, что матеріализмъ связанъ съ глубокимъ философскимъ заблужденіемъ“ ²⁾. Правда, Гексли высказывалъ надежду, что „физиологія будущаго включитъ въ область матеріальнаго процессы и чувства, и мысли, и воли“. Онъ предсказывалъ прощески, что „надвигающійся приливъ матеріи грозитъ поглотить души тѣхъ, что дрожатъ отъ ужаса передъ ростомъ матеріализма“. „Исторія уелѣховъ пауки во все вѣка, а теперь болѣе, чѣмъ когда либо, выражалась, въ разрастающійся области матеріи и каузальности и въ соответствующемъ этому изгнаніи изъ всѣхъ областей человѣческой мысли того, что мы зовемъ духомъ и произволомъ“ ³⁾. Гексли шелъ даже дальше: онъ готовъ былъ признать „операціи ума за функціи мозга, а матеріалы сознанія за продукты мозговой дѣятельности“ ⁴⁾. Но дѣлая эти уступки „столь пугающей другимъ матеріи“, онъ самъ относился къ ней по большей мѣрѣ какъ агностикъ, а не какъ матеріалистъ: „что знаемъ мы, въ концѣ концовъ, объ этой ужасной матеріи, кромѣ того только, что это — ния невѣдомой намъ, гипотетической причины состояній нашего сознанія?... Матерія и духъ — только обозначенія воображаемыхъ субстратовъ извѣстныхъ группъ естественныхъ явле-

¹⁾ Тамъ-же, 18.

²⁾ Huxley. On the Physical Basis of Life въ Lay Sermons. London, 1906, 129.

³⁾ Тамъ-же, 123.

⁴⁾ Collected Essays. VI, 94.

ній... Равнымъ образомъ, что такое „необходимость“ (лежащая будто бы въ основѣ законовъ природы), какъ не пустая тѣнь, отбрасываемая отъ моего разума на факты и законы, мнѣ известные?.. Но если мы, несомнѣнно, не обладаемъ знаніемъ ни природы матеріи, ни природы духа, и если понятіе необходимости есть нѣчто незаконно включаемое во исполнѣ законную концепцію закона (природы), то въ такомъ случаѣ материалистическое положеніе, будто въ мірѣ нѣтъ ничего, кромѣ матеріи, силы и необходимости, настолько же лишено оправданія, какъ самыя безосновательныя изъ богословскихъ догматовъ. Основныя доктрины материализма, какъ и спиритуализма, лежатъ внѣ предѣловъ философскаго исследования“ 1). „Въ истину основного положенія материализма я искренно не вѣрю. Во 1-хъ), мнѣ представляется достаточно яснымъ, что въ мірѣ, кромѣ матеріи и силы, есть еще третья вещь—сознаніе, въ которомъ, по упрямству не то сердца, не то головы, я не могу видѣть матеріи и силы или какого-либо постижимаго намъ видоизмѣненія той или другой; а во 2-хъ, объ аргументы Декарта и Беркли въ пользу того, что наше достовѣрное знаніе не простирается за предѣлы положеній нашего субъективнаго сознанія, всѣ материалисты, пробовавшіе перегрызть цѣвь этихъ разсужденій, только обломали себѣ зубы. Ну, а если такъ, то наша достовѣрность относится къ бытію міра интеллектуальнаго, а міръ матеріи и силы, міръ „Kraft—und Stoff’a“, понижается, на лучшій конецъ, до уровня высокоувѣроятной гипотезы... И потому, если бы меня принуждали къ выбору между материализмомъ и идеализмомъ, я, разумѣется, предпочелъ бы послѣдній“ 2).

Сходные конечные выводы обнаруживаются даже у Клиффорда, третьяго, прославленнаго въ свое время авторитета научнаго материализма, несомнѣнно болѣе двухъ предыдущихъ ученыхъ къ нему склоннаго. Несмотря на отричаніе имъ устойчиваго, цѣлостнаго характера духовной стороны въ чело-
вѣкѣ 3) и ея безсмертія 4); несмотря на недоущеніе созна-

1) On the Physical Basis of Life. 124—127.

2) Essays on some controverted Questions. 1892, 171, 172, 174.

3) W. K. Clifford. On some of the Conditions of Mental Development въ Lectures and Essays. 3 edit. London, I, 79—85.

4) The Unseen Universe. Тамъ-же, I, 274 sqq. и Virchow on the Teaching of Science. Тамъ-же, II, 340.

нія безъ матеріи ¹⁾ и на изведеніе психологическихъ процессовъ на фізіологическіе, фізіологическихъ на химическіе, а этихъ послѣднихъ на механическіе; несмотря на уравненіе духовныхъ процессовъ „съ другими матеріальными во всемъ, кромѣ большей сложности первыхъ“ ²⁾: несмотря, наконецъ, на отрицаніе присутствія интеллекціи и воли въ нашей солнечной системѣ и въ наше время въ комъ либо, кромѣ какъ въ животныхъ, обитающихъ на планетахъ, ³⁾ и на недоказуемость будто бы Бога-Творца ⁴⁾,—біографъ Клиффорда Поллакъ былъ правъ, когда считалъ его представителемъ скорѣе идеалистическаго монизма, нежели чистаго матеріализма ⁵⁾. Мы не имѣемъ права, полагая Клиффорда, считать духъ за самодовлѣющую силу; однако тамъ, гдѣ имѣютъ мѣсто факты физическіе одновременно съ фактами духовными, тамъ несомнѣнно есть дѣйствующія силы, причемъ (и это самое важное!) „совершающееся происходитъ въ двухъ совершенно различныхъ областяхъ: физическіе факты происходятъ сами по себѣ, а духовные также сами по себѣ. Между ними есть параллелизмъ, но нѣтъ между ними интерференціи... Точно также и воля не есть ничто матеріальное: она—не видъ матеріальнаго движенія... Да и все тѣло, хотя и можетъ быть разсматриваемо нами какъ автоматически-дѣйствующая машина,... однако оно не есть *только* машина, потому что ее сопровождаетъ сознаніе... *Мы болѣе чѣмъ автоматы*, ибо мы сознательны,... что не мѣшаетъ намъ (заключаетъ Клиффордъ въ духѣ Гегеля) описывать тѣлесные факты самостоятельно (независимо отъ фактовъ духовныхъ), и если мы ограничимъ свое вниманіе ими однимъ, мы даже доляпы описывать себя *какъ бы* автоматовъ“ ⁶⁾—все въ смыслѣ лишь рабочей гипотезы, ради лишь удобства научнаго мірообъясненія. Постъ Канта и Беркли однако невозможно забывать, что всякое мірообъясненіе, не исключая и такого, механически-матеріалистическаго, свершается въ области нашего субъективнаго мышленія, и въ этомъ

1) Body and Mind. II, 8 sqq., 44—45.

2) Philosophy of the pure Sciences. I, 352.

3) Body and Mind. II, 47.

4) Unseen Universe. I, 295.

5) Тамъ-же. Biographical Introduction, 50—52; о вліяніи Спянозы, 49.

6) Body and Mind. II, 32—35.

емисль весь „вѣннйй мїръ есть совокупность *духовныхъ* измѣненій, ...стѣдующихъ другъ за другомъ, согласно опредѣленнымъ законамъ“¹⁾).

За этими сдержанными и отрывочными возраженіями естествоиспытателей противъ такъ называемаго научнаго материализма послѣдовали болѣе рѣшительныя. Первымъ такимъ публичнымъ обличеніемъ его со стороны первокласснаго ученаго была рѣчь лейпцигскаго профессора В. Оствальда на Любекскомъ съѣздѣ натуралистовъ и врачей (20 Сентября 1895 г.). „Я утверждаю“, заявилъ здѣсь знаменитый химикъ, „что материалистическо-механистическое міровоззрѣніе не можетъ быть удержано наукою: оно не оправдываетъ цѣли, ради которой оно вырабатывалось: оно стоитъ въ противорѣчій съ несомнѣнными и общепризнанными истинами. Это научно-несостоятельное воззрѣніе должно быть отброшено и замѣнено, если возможно, инымъ, лучшимъ... Честь науки обязываетъ насъ предостеречь отъ ложнаго, опаснаго пути, по которому направляется великій корабль знанія“. „Обыкновенно не замѣчаютъ, въ какой высокой степени все эти широко распространенныя воззрѣнія циничны и метафизичны; ихъ привыкли считать, наоборотъ, за максимумъ точной формулировки реальныхъ соотношеній въ природѣ. И вотъ, въ противоположность этому предубѣжденію, должно подчеркнуть, что вытекающее изъ этой теоріи слѣдствіе, будто все не-механическіе процессы, каковы: теплота, радіація, электричество, магнетизмъ, химизмъ,—суть въ дѣйствительности процессы механическіе,—ни разу, ни въ одномъ случаѣ научно подтверждено не было. Ни въ одномъ, хотя бы даже единственномъ случаѣ, не удалось дѣйствительныя соотношенія (силъ и явленій) изобразить механическою системою *вполнѣ, цѣликомъ, безъ всякаго остатка*. Правда, для многочисленныхъ отдѣльныхъ явленій, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, удавалось построить механическія изображенія (подобія, *mechanische Bilder*): но, какъ скоро пробовали такимъ механическимъ образомъ объяснять совокупность фактовъ, извѣстныхъ въ данной области знанія, всегда и безъ исключеній оказывалось, что между дѣйствительнымъ положеніемъ явленій и тѣмъ и положеніемъ, котораго въ правѣ

1) Тамъ-же.

были бы ожидать отъ механистическаго объясненія, непремѣнно гдѣ нибудь да оказывалось неразрѣшимое противорѣчїе. Оно могло долгое время скрываться: но исторія науки показываетъ, что, рано или поздно, оно всплывало наружу; и единственное, что можно съ полною достовѣрностью сказать о такихъ механическихъ построеніяхъ или аналогіяхъ, называвшихся механическими теоріями изслѣдуемыхъ явленій, это то, что онѣ, во всякомъ случаѣ, когда нибудь да будутъ выброшены въ мусорную яму¹⁾. Многія изъ этихъ теорій были, правда, плодотворны для науки: но польза того, что въ нихъ есть вѣрнаго, не должна закрывать глаза на ложное и вредное въ нихъ. Настало время признать рѣшительно, что механическое мірообъясненіе есть просто—заблужденіе²⁾.

Но если механическое построеніе вселенной (продолжасть Ostwaldъ) должно быть устранено, то вмѣстѣ съ нимъ теряется подъ собою почву въ научномъ смыслѣ и все материалистическое міровоззрѣніе. Если при каждомъ серьезномъ опытѣ оказывается, въ концѣ концовъ, безуспѣшнымъ предпріятіемъ попытка механически объяснить даже извѣстныя намъ физическія явленія, то отсюда неизбежно слѣдуетъ, что это еще менѣе возможно при несравненно болѣе запутанныхъ явленіяхъ жизни органической. Тѣ же принципиальныя противорѣчія имѣютъ мѣсто и здѣсь, и притомъ настолько, что положеніе, будто всѣ естественныя явленія сводятся на механическія, нельзя считать даже за пригодную для научной работы гипотезу: это просто—ошибка!.. Теоретически совершенныя механическіе процессы могутъ одинаково протекать и въ поступательномъ (прогрессирующемъ) и въ отступательномъ (регрессирующемъ) направленіи: въ чисто-механическомъ мірѣ „прежде“ и „послѣ“, въ томъ смыслѣ, какъ они есть въ нашемъ мірѣ, не существовали бы: дерево могло бы снова стать росткомъ и зерномъ, бабочка вновь превратиться въ личинку. На дѣлѣ это въ нашемъ мірѣ невозможно, и для факта невозможности всего этого у механическаго міровоззрѣнія нѣтъ объясненія, да и быть не можетъ, въ силу свойства механическихъ уравненій.

1) Ostwald. Die Ueberwindung des wissenschaftlichen Materialismus. Leipzig. 1895, 6—9; 14—16.

2) Тамъ-же, 21.

Фактическая необратимость реальныхъ явленій природы доказываетъ, следовательно, существованіе такихъ процессовъ, которые неизобразимы механическими уравненіями, и уже однимъ этимъ произнесень приговоръ надъ научнымъ матеріализмомъ, надъ всякою надеждою пагально объяснить міръ физической низведеніемъ явленій на механику атомовъ ¹⁾, — приговоръ, къ которому вполнѣ присоединяется извѣстный ботаникъ Рейнке ²⁾ и на неизбежность котораго, еще до Оствальда, указывалъ неутомимый борець противъ матеріализма, одинъ изъ универсальныхъ ученыхъ умовъ нашего времени, Гирль ³⁾. „Если“, говоритъ онъ, „прислушаться къ тому увѣренному току, съ которымъ теперешнія доктрины относятъ всю совокупность міровыхъ явленій къ одному движенію атомовъ, мы въ правѣ были бы ожидать и единогласія относительно качествъ, принципаемыхъ этой универсальной единицы, основъ всего бытія. Къ сожалѣнію, при первомъ же взглядѣ на предлагаемыя системы, получается самое страшное разочарованіе: сразу обнаруживается, что атомъ химика, физика, метафизика и математика не имѣютъ между собою рѣшительно ничего общаго, кромѣ развѣ имени. Каждый специалистъ, въ своей ученой кѣткѣ, фабрикуетъ себѣ атомъ, удовлетворяющій требованіямъ изучаемыхъ имъ явленій, ни мало не заботясь о требованіяхъ, свойственныхъ явленіямъ, относимымъ къ другимъ научнымъ каморкамъ... Не всегда согласны даже въ одной и той же наукѣ относительно свойствъ атома!“ ⁴⁾. Этн. еще въ 1882 г.

1) Тамъ-же, 20—22.

2) Reinke. Die Welt als That. 5 Aufl. Berlin, 1908, 472—3.

3) О немъ съ этой стороны, см. Faudel et Schwoerer G. A. Hirn. Notice biographique. Colmar, 1891. Противъ матеріализма Гирль высказывается въ *Reflexions critiques sur la théorie cinétique de l'univers; Refutation scientifique de la doctrine matérialiste; Constitution de l'espace céleste; La vie future et la science moderne*. Изъ трехъ системъ: пантеизма, матеріализма и спиритуализма, говоритъ онъ, „въ настоящее время одинъ спиритуализмъ, согласный съ требованіями фактовъ, данныхъ наблюдательными науками, является единственною доктриною, заслуживающею названіе рациональной“. Hirn. *Recherches sur l'équivalent mécanique de la chaleur*. Colmar, 1858, 337.

4) Hirn. *Recherches sur la relation qui existe entre la résistance de l'air et sa température*. въ *Mémoires de l'Académie de Bruxelles*. T. XLIII, p. 68.

указанныя противорѣчія констатируетъ черезъ 13 лѣтъ даже такой защитникъ атомистической теоріи, какъ Ганнекэнъ, считающій ее за гипотезу, „вытекающую изъ самой организаціи нашего познанія и потому за необходимую“ 1). „Почему же“, спрашиваетъ онъ, „она остается только гипотезою? почему, во мѣрѣ погруженія въ глубину реальности, она все болѣе и болѣе поглощаетъ реальныя начала и, въ концѣ этого редуکتивнаго процесса, приходитъ къ атому лишь идеальному и лишь отвлеченному?.. Причина тому всецѣло кроется въ свойствахъ науки, въ ея неполнотѣ, въ ея неспособности когда бы то ни было объять числомъ полноту и подлинность реальности и конкретности... Слѣшкомъ узка та рама количества, въ которую умъ нашъ хотѣлъ бы насильственно вдвинуть явленія дѣйствительности со всеми силами ихъ бытія въ настоящемъ, бытія, полаго прошедшимъ и уже чреватаго будущимъ! Чтобы добиться этого вмѣщенія, надо или расширить раму до разрыва ея предѣловъ, или же умянуть объектъ до обдѣшенія его въ существеннѣйшихъ качествахъ, до того, что онъ перестаетъ быть уже самимъ собою... Какой же выводъ отсюда, какъ не тотъ, что атомизмъ, въ основѣ косяго кроется арифметическій анализъ, будетъ, какъ и этотъ послѣдній, всегда лишь факторомъ приближеніемъ къ подлинной дѣйствительности и что онъ всегда будетъ безсильно объять сущность и природу своего объекта въ его полнотѣ 2). Атомъ есть, слѣдовательно, концепція ума, а не вещь о-себѣ... его содержащее, безспорно, всегда, гдѣ либо и въ чемъ либо, ускользаетъ отъ чловѣчьхъ ресурсовъ, не столько опредѣляется однимъ количествомъ. Оно остается идеальнымъ и относительнымъ, ибо и сама дѣйствительность, своею неумитаемою активной способностью, ускользаетъ отъ числа и отъ науки тѣми своими началами, которыхъ невозможно свести къ одному количественному элементу“ 3). Вотъ почему атомизмъ, какъ и механизмъ, какъ и все механистическое міроразсужденіе, слѣдовательно, есть не абсолютно-реальное и не абсо-

1) Arth. Hannequin. Essai critique sur l'hypothèse des atomes dans la science contemporaine, 2e edit. Paris, 1899, 12—13.

2) Hannequin, 13—15.

3) Тамъ-же, 17—20.

двѣтн истинное, а лишь нѣчто кажуцееся таковымъ съ порядочною дозою основательности. Его условность связана съ сердцемъ самой науки, неспособной подняться до безусловнаго, до недѣлимаго, до первоначальнаго ¹⁾. Сообразно съ этимъ, свое оправданіе и разрѣшеніе своихъ противорѣчій атомизмъ можетъ получить не въ наукѣ, а лишь въ области метафизики ²⁾.

Это отрезвляющее признаніе защитника матеріалистической натурфилософій, сводящее ея значеніе до роли лишь условной рабочей гипотезы, какъ это раньше думать Гёксли ³⁾, совпадаетъ съ приговоромъ ея противниковъ, но уже безъ сейчасъ приведенныхъ оправданій. Такъ Сталло, авторъ очень солидной книги о теоріяхъ современной физики, полагаетъ, что, „хотя основатели новой физической науки при началѣ своихъ трудовъ и были проникнуты духомъ явной враждебности къ ученіямъ средне-вѣковой схоластики, они, тѣмъ не менѣе, принявшіе за теоретическое объясненіе результатовъ своихъ опытовъ и наблюденій, безсознательно продолжали строить свои объясненія на предпосылкахъ той самой онтологіи, отъ которой они публично отреклись“ ⁴⁾. Механистически - матеріалистическое мірообъясненіе, заключаетъ Сталло, по самому существу своему метафизично. Этотъ, якобы-научный матеріализмъ, по справедливому замѣчанію, быть можетъ, самаго основательнаго изъ его критиковъ, Уорда, есть, въ концѣ концовъ, такая же философская догматика, какъ и идеализмъ ⁵⁾. „Механистическое міровоззрѣніе“, говоритъ Оствальдъ, „ничего не сообщаетъ намъ о дѣй-

¹⁾ Тамъ-же, 446—452.

²⁾ Тамъ-же и 19.

³⁾ Высказавшись рѣшительно (какъ было выше указано) противъ догматическаго матеріализма, Гёксли полагаетъ однако, что „для прогресса науки терминологія матеріалистическая (хотя сама по себѣ—лишь условная, не совпадающая съ сущностью дѣйствительности) во всякомъ случаѣ предпочтительнѣе спиритуалистической по ея ясности, простотѣ и даже содержательности“ (Lay Sermons, 1906, 123). Рѣшительный отпоръ этому мнѣнію дастъ Уолласъ, называя его и „неопредѣленнымъ, и неудовлетворительнымъ, и, главное,—совершенно непоказаннымъ“. Wallace, The World of Life, ed. cit., 9.

⁴⁾ Stallo. The Concepts and Theories of Modern Physics, 4 ed. London, 1900, p. IV—V.

⁵⁾ Ward. Naturalism and Agnosticism 3 ed. London, 1906, I, 10.

ствительной, реальной природы вещей, а только показывает намъ, каковы бы онѣ были, если бы удалось всю совокупность естественныхъ отношеній представить себѣ въ механическомъ изображеніи“ 1). Не даромъ самъ творецъ гидродинамической теоріи (Томсонъ-Кельвинъ) называетъ ее „не болѣе, какъ сновидѣніемъ до тѣхъ поръ, пока она не объяснитъ не только инерцію вихревыхъ массъ, но и тяготѣніе, химическое сродство и многое другое, и предлагаетъ держаться этой теоріи лишь за неизмѣнимъ пока инѣ, лучшей“ 2).

Не равносильно-ли это сознанію (замѣчаетъ по данному поводу Уордъ), что величественный кинетическій идеалъ, такъ высоко парившій, что онѣ довелъ реальную физику до порога метафизического ингилизма, есть не болѣе, какъ фикція математическаго гешія, одинъ изъ описательныхъ символовъ, за который, при отсутствіи полноты фактовъ и даже въ противорѣчіе со многими фактами, хватается неуничтожимая жажда ученаго ума ввести стройность и систему въ отрывочныя данныя наблюденій и опыта, не удовлетворяющія приращенную намъ потребность въ полнотѣ и порядкѣ знаній?.. Механическая теорія вселенной начинается съ отвлеченій (въ понятіяхъ матеріи, силы, пространства и движенія) и оканчивается одиѣми отвлеченностями же въ ученіи объ атомахъ: она начинается изученіемъ движенія отдѣльныхъ явленій и оканчивается разложеніемъ всѣхъ явленій въ движеніе: она начинается съ разсмотрѣнія реальныхъ тѣлъ въ пустомъ пространствѣ и оканчивается идеальнымъ движеніемъ въ недоступной чувственному воспріятію полнотѣ; она начинается съ динамикой обывовешныхъ массъ, а оканчивается перелаточное средство, не пужающееся въ динамикѣ или замѣняющее реальную динамику своею, инѣю, особою 3). Не говоря уже о галателности построенія такого мірообъясненія, — какаѣ, между его началомъ и концемъ, безпредѣльность промежуточныхъ неперечислимыхъ ступеней развитія! какаѣ безконечность явленій, какое многообразіе и подвижность формъ, и, подобно съ этимъ, — тѣльный океанъ вопро-

1) Ostwald, Vorlesungen über Naturphilosophie, 3. Aufl., Leipzig, 1905, 263.

2) Thomson, Popular Lectures and Addresses, London, 1891, I, 145.

3) Ward, I, 152-153.

совѣ неразрѣшимыхъ, трудностей непреодолимыхъ идеальную, но произвольную простоту механическихъ концепцій!... Реальная сложность являющейся жизни, какъ бы подвизаясь надъ однородными, односторонними ресурсами тончайшаго изъ анализа, непроницаемую стѣною высятся даже передъ Липкевымъ взоромъ математическихъ, все упрощающихъ уравнений, и вѣтъ еще въ рукахъ науки тѣхъ пронизательнѣйшихъ лучей, которые озарили бы вѣрный путь для такого упрощеннаго объясненія загадокъ даже физическаго и химическаго строя космоса, не говоря уже о вянущихъ тайнахъ рѣющей въ немъ силы органической жизни!

Эту трудность, непреодолимую для матеріалистическаго міробоясненія, начинаютъ нынѣ сознавать даже такіе упрямѣйшіе противники спиритуалистическаго міровоззрѣнія какъ Де-Дантевъ. Да! восклицаетъ этотъ добросовѣстнѣйшій изъ атеистовъ ¹⁾, да! непознаваемое для человека во вселенной несомнѣнно есть! есть вопросы, на которые у науки нѣтъ отвѣтовъ и никогда не будетъ! Но иначе и быть не можетъ!... Вѣдь мы знаемъ только матерію, находящуюся въ движеніи: мы присутствуемъ только при трансформацияхъ движенія; вотъ единственное, что раскрываетъ намъ наука. Вопросы о происхожденіи самой матеріи, движенія, жизни, вопросы о твореніи и первомъ двигателѣ—источникѣ движенія,—все это лежитъ внѣ ресурсовъ науки; все это намъ въ научномъ смыслѣ недоступно; но именно недоступное-то и не познаваемое для насъ намъ совершенно и не важно „вполнѣ индифферентно, и было бы по-истинѣ нелогично приписывать этому непознаваемому регуляцію міромъ“ ²⁾. Мы не будемъ тратить времени на опроверженіе мифа парижскаго біолога о „неважности“ неизслѣдованныхъ вопросовъ: производителю же указать на то, что его собственные коллеги-спеціалисты, по только болѣе его заслуженные въ дѣлѣ науки, держатся какъ разъ обратнаго взгляда. Не является ли тому блестящимъ доказательствомъ то, что именно Уоллесъ, „первый изъ дарвинистовъ носѣтъ Дарвина“, считъ нужнымъ озаглавить свой послѣдній объемистый трудъ

¹⁾ О Де Дантевъ съ этой стороны—въ моей статьѣ Исповѣдь атеиста. 2 изд. Москва, 1911, издаіе Религіозно—философской Библиотеки.

²⁾ Le Dantec. Les limites du connaissable, la vie et les phénomènes réels. Paris, 1908, 2; 149.

стѣдующимъ знаменательнымъ образомъ: „Миръ жизни: обнаруженіе Творческой Силы, Направляющаго Духа и Конечной Цѣли“ 1) ... Какъ разъ тѣ самыя проблемы, которыя, ради научной осмотрительности, исключать изъ сферы своихъ работъ Дарвинъ и которыя Ле-Дантекъ обзываетъ „индифферентными, праздными, видя въ нихъ ихъ рѣшенія общее большинство людей: несаженіе въ мозгу, участвованіе отъ вѣрованій предковъ“ 2), какъ разъ попытку рѣшить именно эти-то проблемы и считаетъ Уолтэръ за характерную черту своего труда, видя въ нихъ задачи, хотя и „самыя тщетныя, но за то и самыя основныя“: тогда какъ конечныя, антиматеріалистическіе и антифаталистическіе выводы изъ нихъ онъ считаетъ „за абсолютно необходимыя“ и, „несмотря на ихъ кажущуюся научную еретичность, за являющіеся результатомъ старательнаго изученія фактовъ и условій задачи“ 3). И что это—не единичное мнѣніе, видно изъ цѣлаго ряда протестовъ повѣвшихъ химиковъ, біологовъ и физиологовъ противъ матеріалистическаго объясненія живыхъ процессовъ.

„Осмѣливаться въ настоящее время утверждать, что существуетъ только одна матерія и что одни ея законы правятъ міромъ, говорить извѣстный французскій химикъ Арманъ Готье, „это значитъ строить науку на-выворотъ“ („faire une science à-rébovers“) 4). „Всѣ ли проявленія жизни имѣютъ своимъ истокомъ силы матеріальныя?“ спрашиваетъ тотъ же ученый, и отвѣчаетъ: „нѣтъ! въ жизни есть вѣчто иное, чѣмъ только физика и только химія! матеріалисты могутъ пребывать матеріалистами только при произвольномъ ограниченіи своихъ разслѣдованій одною низшею частью живыхъ явленій, субстратомъ жизни, неспособнымъ объяснить, что такое сама жизнь“ 5). Извѣстный монпельерскій медикъ Грассэ видитъ въ этомъ естественныя границы біологій вообще, границы для нея даже непереходимыя, но „компетентно преодоляемыя иными методами, другими ну-

1) Wallace. *The World of Life. A Manifestation of Creative Power, Directive Mind and Ultimate Purpose*. 2 ed. London, 1911.

2) Le Dantec. *ouvr. cit.*, 2.

3) Wallace, VII; 399, VIII.

4) Приведено у Courbet. *Introduction scientifique à la foi chrétienne*, 132.

5) Arn. Gautier. *L'individualité et l'erreur individualiste*. Paris, 1898.

тями“, данными не витаннаго чувственнаго опыта, а „ресурсами интеллектуальными, духовными“ 1). Другіе біологи смотрятъ на ея науки оптимистичѣе, по на условіи ея реформы въ духѣ противоположномъ механистическому воззрѣнію: „возможность вообще объяснить жизнь механистически для пылншей біологіи, въ виду ея настоящаго опыта, представляется совершенно неключеною“, замѣчаетъ ботаникъ Р. Франсэ 2), сходясь въ данномъ случаѣ съ выводомъ физика Томсона-Кельвина: „вопросы біологіи и психологіи, вопросы о вліяніи жизни и духа на движенія матеріи, по самому существу своему, лежатъ внѣ предѣловъ чистой динамики“ 3). Быть можетъ наиболѣе выдающійся изъ современныхъ физиологовъ Максъ Ферворнъ, признавая практическія заслуги механистически-матеріалистическаго взгляда на природу въ качествѣ рабочей гипотезы въ прошломъ и, пожалуй, даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ будущемъ, объявляетъ ее „совершенно негодною въ качествѣ основы для цѣлаго міровоззрѣнія: для этого она слишкомъ узка. Философскій матеріализмъ и такъ называемый научный, въ смыслѣ всеобъемлющаго міробоъясненія, сыгралъ свою историческую роль: этотъ опытъ естественно-научнаго міровоззрѣнія надо считать *никогда и окончательно неудавшимся*“ 4). Другой ученый, Уильсонъ также констатируетъ „всестороннюю неудачу механическаго анализа физиологическихъ функций“ 5); третій, Гальдэнъ, подаетъ, что, даже въ качествѣ рабочей, временной гипотезы, механическое объясненіе жизненныхъ процессовъ „возможно только при сознательномъ игнорированіи всего характернаго для явленій жизни или же при отвлеченіи отъ него“ 6), а по Бунге „исторія физиологіи, по мѣрѣ углубленія и старательности научной работы, убѣждаетъ въ томъ, что біологическіе процессы, считавшіеся еще недавно объяснимыми химическими и физическими законами, оказались въ дѣйствительности безконечно болѣе сложными и неподдающимися въ настоя-

1) Grasset. Les limites de la biologie. 2 édit. 1903.

2) Francé. Der gegenwärtige Stand der Darwinischen Fragen. 45.

3) Thomson. Popular Lectures and Addresses. I, 148.

4) Max Verwor. Naturwissenschaft und Weltanschauung, 12—13.

5) J. Arth. Thomson. Progress of Science in the Century. 1908, 323.

щее время никакимъ попыткамъ механическаго истолкованія“ 1).

Даже послѣдняя изъ этого рода попытокъ, Геккелево стараніе оживить матеріализмъ внесеніемъ души въ матерію и объяснить всю эволюцію жизни космоса одними сочетаніями атомистическихъ душъ, не устранило дуализма тѣла и души. „И этотъ монизмъ“, говоритъ Ферворинъ, „ничего не объясняетъ намъ научно. Въдъ научное познаніе требуетъ не одного упрощенія основныхъ началъ, но и приведенія объясняемыхъ, еще непонятныхъ объектовъ изслѣдованія къ вещамъ уже извѣстнымъ и къ началамъ уже понятнымъ. Мы въ правѣ требовать, чтобы конечный принципъ монистическаго міросозерцанія былъ данъ въ качествѣ непосредственно намъ извѣстнаго и уже не нуждающагося ни въ какомъ объясненіи, ни въ какомъ дальнѣйшемъ опредѣленіи... не прибѣгая ни къ какимъ гипотезамъ. Вотъ это-то требованіе и остается невыполненнымъ въ понятіи одушевленныхъ атомовъ... Мы и въ немъ не переходимъ за дуализмъ тѣла и души: то и другое, по прежнему, остается рядомъ другъ съ другомъ и, по прежнему, — необъяснимымъ вводимымъ общимъ началомъ... Этотъ конечный, послѣдній принципъ есть, самъ по себѣ, — неизвѣстная величина... Какъ ни перефразировать вопросъ и какъ бы ни уклоняться въ сторону, ни конценція одушевленности атомовъ, ни доктрина тождества не въ силахъ одолѣть дуализма. А если такъ, то совершенно безнадежными оказываются усилія спасти обломки материалистическаго міровоззрѣнія для того, чтобы изъ нихъ воздвигнуть иное, новое. Очевидно, надо дѣйствовать радикальнѣе: *надо цѣликомъ, до самаго основанія, отказаться отъ всего материалистическаго воззрѣнія на природу, если желаютъ достигнуть до міросозерцанія монистическаго“* 2). А по мнѣнію ботаника Рейнке даже и на стремленіи вообще къ монизму наука не въ правѣ упорствовать: „понятное само по себѣ, желаніе единства не должно быть рѣшающимъ въ вопросѣ о міровоззрѣніи: требуется не намъ желательное, а истинное, независимо отъ того, будетъ ли искомое — Единное

1) G. Bunge. Text-book of Physiological and Pathological Chemistry translated by Wooldridge. London, 1890, 3 y Thomson, 324.

2) Verworn. 13—18.

или Двоица, или Троица, или даже—Множественность. На дѣлѣ, однако, намъ неизвѣстенъ ни одинъ научный фактъ, который съ необходимостью требовалъ-бы принятія именно монистическаго міровоззрѣнія” 1).

Таковы разносторонніе протесты многочисленныхъ авторитетныхъ представителей повѣрнаго природовѣдѣнія противъ механистически-матеріалистическаго истолкованія природы. Даже та опора, которую еще столь недавно его сторонники черпали въ эволюціонной теоріи, пылъ расшатана, поколебана. „Какія надежды на побѣды надъ природою и ея тайнами“, говоритъ біографъ Клиффорда Поллакъ, „связывали мы съ волною охватившаго насъ дарвиніанскаго энтузіазма, торжествующе умословнаго насъ, какъ тогда казалось, въ океанѣ новой жизни и безбрежныхъ возможностей! Новая теорія представлялась намъ волшебнымъ ключемъ къ цѣлой вселенной: мы надѣялись разгадать ея все загадки, примирить все противорѣчія” 2), а теорія эволюціонная понималась тогда, какъ мы выше видѣли, существенно матеріалистически. Теперь же эволюціонисты позднѣйшей поры, наиримѣръ П. Карусъ, признають, что „эволюція не есть матерьяльный и механическій процессъ“, настолько, что „попытка рѣшить проблему эволюціи на почвѣ матеріализма или механизма неизбежно должна оказаться ошибочною“ 3). „Рыпать эту проблему приписываніемъ матеріи свойствъ духа“, посяпаетъ другой эволюціонистъ, „значить объяснять одно неизвѣстное другимъ, таковымъ же, и перевертывать наизнанку весь смыслъ общепринятыхъ понятій. Это—полное саморазрушеніе матеріализма, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и невыносимый догматизмъ: что такое матерія сама по себѣ или духъ самъ о себѣ—никто не знаетъ; говорить, следовательно, что въ мірѣ нѣтъ ничего, кромѣ матеріи, есть догматическое притязаніе, ничѣмъ не управомоченное“ 4). То же заключеніе, по мнѣнію двухъ обзорѣвателей современнаго состоянія точныхъ наукъ, приходится вывести и относительно механистическаго мірообъясненія: и оно, въ концѣ концовъ, заразъ и оккультно.

1) Reinke. Die Welt als That. 5 Aufl. Berlin, 1908. 471—472.

2) Clifford. Lectures and Essays. London, 1901. 3 ed Biographical Introduction by Pollack. I, 42.

3) P. Carus. Homilies of Science, 39.

4) Savage. Religion of Evolution, 68.

и произвольно. „Мы можемъ объяснять явленія механически“, говоритъ Шкаръ, „если *пожелаемъ* ввести въ отвѣтъ подходящія для этого элементы. Можно, напримеръ, получить механическое объясненіе свѣта, но для этого надо *предположить* существованіе *гипотетическаго* эфира“, то есть, выражаясь словами Арт. Томсона, „самаго *чудеснаго* изъ содержанагося во всѣхъ научныхъ концепціяхъ, когда либо приходившихъ людямъ на умъ“¹⁾... „*Допуская* возможность *потайныхъ*, скрытыхъ отъ нашего знанія системъ, одаренныхъ болѣе или менѣе разнообразными свойствами, можно давать механическія объясненія цѣлымъ разрядамъ явленій. Но нѣкоторые могутъ, пожалуй, подумать, что подобныя „скрытыя системы“ -любія шутки и, разсуждая а-пріорно, думающіе такъ будутъ правы! Что же можно заключить изъ всего этого? Да то, что, понятія въ совѣсть общемъ смѣлѣ, слова „механическое объясненіе“ *лишены* смысла, особенно теперь, когда даже основныя понятія механики, постъ ихъ критики Герцемъ, находятся въ полномъ хаосѣ“²⁾. „Если бы (добавляетъ Томсонъ) механическія формулы даже и были пригодны для жизненныхъ явленій, чего, повидному, нѣтъ, онѣ и тогда не дали бы намъ „объясненія“, ибо механизмъ одинъ механизмъ, самъ по себѣ, *вообще ничего объяснить не можетъ*“³⁾.

Владиміръ Кожевниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

1) J. Arth. Thomson. Progress of Science in the Century, 1908, 178.

2) Em. Picard. La Science moderne et son état actuel. Paris, 1908, 120; 126

3) Thomson. 328.